

«ИМЕНИ ОСКАРА»

В книге «Мой Дагестан» Расул Гамзатов пишет, что язык Революции на языки народов Дагестана перевели мюриды революции — Махач, Уллубий, Оскар....

«Имени Оскара» — так называется одна из главных улиц Махачкалы.

Долгое время после гибели Оскара в деникинской контрразведке даже сами дагестанские подпольщики не знали ни имени комиссара из Москвы, ни его биографии. Не знали этого и палачи Оскара. Но остался он в истории революции и гражданской войны — двадцатишестилетний революционер, художник, поэт.

...Звали его Оскар Лещинский. Короткая жизнь Оскара вместила в себя много ярких событий. Боевик в 1908 году, человек, выполнявший поручения Ленина в Лонжюмо и Швейцарии, ссыльный в Енисейской губернии, комендант Смольного в 1917 году, красный комендант Эрмитажа в первые дни Советской власти и, наконец, уполномоченный ЦК партии в Дагестане. Это лишь отдельные вехи его революционной деятельности. Не менее богатой событиями была его жизнь в искусстве.

Заинтересовавшись героической судьбой Оскара, мы стали собирать материалы о нем, встречались с его друзьями и родственниками, со старыми большевиками, поэтами и художниками. Воспоминаниями с нами поделилась дочь революционера, Е. О. Лещинская. Интересные сведения сообщили нам А. В. Антонов-Овсеенко, М. А. Талова, А. В. Грановская.

Родился Оскар в 1892 году в Новозыбкове, учился в Ростове-на-Дону. Его жена Лидия Николаевна

Оскар Лещинский. 1916 год. Швейцария.

Мямлина писала: «В квартиру Лещинских явились жандармы. Они обнаружили пачки прокламаций, подпольные брошюры, но самое главное — коробку из-под сигар с патронами. Арестовали отца Оскара, не имевшего ни малейшего представления о революционной литературе и о подвигах своего среднего сына, которому исполнилось только одиннадцать лет. В непричастность старшего Лещинского к революционным делам полицейские, естественно, не поверили, хорошо, что он еще отделался сравнительно легко: три года ссылки в Иркутск. Выехала в Иркутск и вся семья Лещинских. В Ростов они вернулись в 1905 году, незадолго до того, как вспыхнуло восстание ростовских рабочих». Заслуги ростовского Гавроша не остались забытыми полицией. Тринадцатилетнего Оскара Лещинского высылают в Архангельскую губернию. Ссылка должна была тянуться целых три года, но продолжалась чуть больше пяти месяцев. С помощью политических ссыльных Оскару удалось бежать. В 1916 году он записал в своем парижском дневнике: «Десять лет назад я покинул Россию. Мне было 15 лет. Дитя. В 1908 году я уехал назад...» Возвратившись в Ростов, Оскар продолжал революционную деятельность. Его вновь ссылают, на этот раз в Енисейскую губернию. Возраст пока спасал Оскара от более суровых наказаний. В сибирской ссылке он продержался тоже недолго. Подговорив солдата-серба из караульного отряда бежать вместе, Оскар бежал, прихватив даже свое личное дело из местной жандармерии.

В 1910 году Лещинский приехал в Париж. Город обрушился на него собраниями эмигрантов, выставками художников, демонстрациями парижских рабочих, выступлениями Аристида Бриана и Жана Жореса. Оскар близко познакомился с Владимиром Александровичем Старосельским, видным большевиком, председателем общества политэмигрантов, стал часто бывать у него в доме номер 5 по улице Альфонса Доде. Заходил к Старосельскому и Владимир Ильич Ленин.

Так произошло знакомство Оскара с великим вождем революции. Ленина заинтересовала столь необычная судьба юноши. Когда в 1911 году Ленин организовал партийную школу в Лонжюмо, он вспомнил об Оскаре. Конспиративный опыт Лещинского, его организаторские способности пригодились для перевозки от границы слушателей школы и отправки их из Франции на работу в Россию. В годы гражданской войны на Кавказе Серго Орджоникидзе рассказывал о встречах в Лонжюмо с Лещинским командующему 11-й армией М. Левандовскому и комиссару 33-й дивизии 11-й армии В. С. Гарниной-Кузнецовой, которая сообщила нам об этом во время наших встреч в Ленинграде.

В Париже Лещинский серьезно увлекся поэзией и живописью. Это стало жизненной потребностью.

За чашкой кофе с мирным разговором
сидим мы незаметно до утра,
пока рассвет зажжется за забором.
Тогда уходим. Утро. Спать пора.

О чем можно говорить в долгую эмигрантскую ночь?.. О Родине.

Порою в золотистых клубах дыма
рождается рассказ о русских зимах,
о днях, что пролетели мимо...

А дни, что пролетели мимо, были удивительными. Оскар жил в знаменитом пристанище художников и писателей всего мира, которое называлось «Улей» (Ла Руш). Владелец «Улья» Буше любой ценой хотел служить искусству. За минимальную плату, а часто и вообще бесплатно он сдавал номера художникам и поэтам. Одновременно с Оскаром Лещинским в соседних комнатах жили Модильяни и Шагал, Осип Цадкин и Натан Альтман. А. В. Луначарский назвал «Улей» «огромным коллективным гнездом художников». Здесь все жили коммуной, вместе отмечали покупку картины или выход сборника стихов. Выходцы из России Х. Сутин и А. Архипенко, французский поэт Блез Сандрар, румын К. Бранкузи — представителей всех национальностей можно было встретить в коридорах «Улья». Рисунку Оскар Лещинский учился в Русской академии живописи, организованной в Париже русскими политэмигрантами. Нередко сюда заходили скульптор Бурдель, художник Модильяни. Сохранилось несколько рисунков Оскара, кем-то дописанных. «Может, это рука Модильяни»,— высказывает предположение дочь художника Елена Оскаровна Лещинская.

Как художник Оскар сформировался в ставшей знаменитой Парижской школе живописи. Он принадлежит ей так же, как десятки других выходцев из России, чьи имена известны сейчас всему миру. Г. Орлова, Л. Гудиашвили и Д. Какабадзе — все они работали на заре двадцатого века в Париже, прославляя своими работами и Россию и Францию. Кто знает, может, и Лещинский стал бы признанным мастером: колоритом его работ восхищались многие известные художники. Но Оскара ждал другой путь, путь профессионального революционера. А его рисунки на политические темы, карикатуры на противников большевизма, карандашные портреты друзей очень нравились Владимиру Ильичу Ленину.

Прожив в Париже два года, Лещинский перестал смотреть на него только как на город музеев и мастерских художников. Он познакомился с рабочим Парижем, увидел город с черного хода.

Полузамерзшие, худые,
снуют с поклажей босяки.
Зачем тут гибнут молодые?
Зачем тут гибнут старики?
Рассвет приходит розоватый,
парижский жалобный рассвет.
Какие люди виноваты,
что у голодных хлеба нет?

В 1912 году Оскар Лещинский вступил в литературно-художественный кружок политэмигрантов. Собрания кружка проходили в кафе на площади Данфер Рошро. Постоянными членами кружка были А. В. Луначарский, И. Г. Эренбург, герой Октября В. А. Антонов-Овсеенко. Сын Антонова-Овсеенко Антон Владимирович говорил нам, что его отец старался не пропустить ни одной сколько-нибудь интересной литературной встречи, участвовал в организации вечеров и концертов. В 1913 году членами кружка стал издаваться литературно-художественный журнал «Гелиос». Одним из редакторов журнала был Оскар Лещинский, поэтическим отделом ведал Илья Эренбург. В «Гелиосе» были опубликованы статьи Луначарского, многие стихи Веры Инбер, Ильи Эренбурга и Лещинского. В 1914 году в Париже вышла книга его стихов «Серебряный пепел». Оформлял ее сам поэт. В сборнике — стихи об Италии, Испании, Франции, но главное в этих стихах — тоска по родине, по России.

Нас принимают все за португальцев,
мы говорим на русском языке...

Тема России, появившись на первых страницах сборника, прослеживается до конца.

> Все тот же круг и те же встречи,
> и снова, приходя домой,
> я слышу звуки русской речи,
> и пахнет русскою зимой.

В 1915 году Лещинский подготовил к печати книгу о французской живописи. Называлась она «От импрессионизма до наших дней». Война помешала изданию книги. Отправив жену с детьми в Россию, Лещинский поехал к Ленину в Швейцарию. В качестве связного с партийными поручениями Лещинский ездил в годы войны в Испанию, Швецию. Как только до Женевы дошли сведения о февральской революции, со вторым эшелоном политэмигрантов Оскар возвратился в Россию.

В октябрьские дни Лещинский участвовал в штурме Зимнего. Весной 1918 года Лещинского вызвали в Москву, куда переехало правительство. Интересные факты о жизни Оскара в Москве нам рассказала его парижская знакомая, поэтесса Елена Ранова. Она была свидетельницей знакомства Оскара с Сергеем Есениным. Произошло это той же весной 1918 года на спектакле в театре имени Комиссаржевской. Есенин подошел к ним в антракте, Елену Ранову он хорошо знал, были они в тот период в одном поэтическом объединении. Елену удивило, что, знакомясь с Лещинским, Есенин сказал: «Да, много слышал о вас. Вы известный человек». Очевидно, Есенин имел в виду октябрьские дни в Петрограде, но, может быть, он знал и о парижской жизни Оскара.

В Москве Лещинский пробыл не больше месяца. Совнарком РСФСР послал его на Северный Кавказ для организации Красной Армии. Там Лещинский познакомился с Сергеем Мироновичем Кировым. Пятигорск, где работал Лещинский, захватили белогвардейцы. Был объявлен поиск Лещинского. На заборах висели плакаты: «За головы Оскара Лещинского и членов его семьи полагается награда 10 тысяч рублей». Оскару удалось выбраться во Владикавказ. Вместе с С. М. Кировым он готовил первую военную экспедицию на Северный Кавказ. В музее Кирова хранится расписка Лещинского: «Получил от Кирова 35 тысяч рублей на организацию первого транспорта военного снаряжения. 11 июля 1918 года». В октябре 1918 года Лещинский приехал в Москву. Началась подготовка второй кавказской экспедиции. Готовили ее Киров и Лещинский.

В марте 1919 года Лещинский еще раз приехал в Москву по особому заданию Кирова. Это был его последний приезд в Москву, последние споры о поэзии (перед отъездом на Кавказ Лещинский собрал своих парижских друзей, читал новые стихи). Даже в годы гражданской войны, когда Оскар самоотверженно работал на революцию, он находил время для поэзии. Стихи эти не были похожи на утонченные созвучия «Серебряного пепла».

> Карабин мой скорострельный за плечом,
> ни о чем я не жалею, ни о чем.
> До чего весной прекрасна жизнь в горах,
> на коне, вдыхая ветер, страх не страх...

Впереди его ждала работа в подполье Дагестана, организация первых партизанских отрядов в этой горной стране. В начале апреля 1919 года он писал Елене Рановой в Москву: «У нас в степи уже сильно пахнет весной. Степь голая. Бегут ручьи, с ними бегу и я. Может быть, и я, как они, войду в распухающую землю... Завтра Астрахань, путь к новым испытаниям».

В Дагестане Оскар Лещинский выдавал себя за брата Бориса Савинкова, убежденного врага Советской власти. Это помогло ему войти в среду белогвардейских офицеров, быть в курсе всех их мероприятий. За короткий срок подпольным обкомом Дагестана под руководством Уллубия Буйнакского и Оскара Лещинского из партизанских отрядов была организована партизанская армия, на 20 мая намечалось восстание. Но 13 мая в Темир-Хан-Шуре был арестован штаб восстания. Из тюрьмы Петровска, где держали Оскара Лещинского, до Кирова дошло предсмертное письмо Оскара. «Милый Фрибус,— писал Оскар товарищу, которого должны были выпустить.—...Я Вас прошу исполнить мою просьбу, за которую буду Вам благодарен до гроба. А ждать мне его недолго.

У меня есть жена, с которой я связан уже 10 лет. Есть двое милых любимых детей: Валя 8 лет и Леночка 5. Дети — это самое дорогое, что у меня есть. Однако в вечных странствованиях по белу свету и в опасностях житейской борьбы я успел дать им очень мало и хочу, чтобы они когда-нибудь узнали, что я любил их и умер как воин, побежденный телом, но свободный духом... Хорошо бы было сообщить в Баку, в партийный комитет, через Булата— Ковалева... чтобы в случае возможности послать... для Кирова сведения о моей судьбе. Вот, милый, все, что я прошу вас по возможности исполнить. Я умру спокойный. Борьба тяжка, уходить из жизни молодым больно — но законы этой жизни непреодолимы. Целую вас и желаю скорее быть свободным для жизни, для любви и счастья...»

Пятого сентября 1919 года деникинскими палачами был расстрелян Оскар Лещинский. Было ему только двадцать шесть лет, из которых он отдал половину служению революции и искусству. Он хотел написать поэму о гражданской войне, проект остался неосуществленным, но строки из его последних стихов стали девизом для многих:

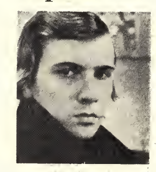
> В поте лица своего
> будешь творить революцию!

В. БОНДАРЕНКО,
Е. БОНДАРЕНКО

Елена и Владимир Бондаренко — брат и сестра. Лене 21 год, она студентка историко-филологического факультета Петрозаводского университета. Володя окончил Лесотехническую академию в Ленинграде, сейчас работает в Центральном научно-исследовательском институте бумаги и учится (заочно) на втором курсе Литературного института имени А. М. Горького.

Андрей Чернов

1941

Наши бедные матери
Стелят белые скатерти,
Ставят сверху вино
И не смотрят в окно.
А окно — не зашторено,
И оно не затворено,
И как будто за мной
Ходит ветер волной.
Первым дымом прокурены,
Наши братья нахмурены,
Матерей не таятся,
Ничего не боятся.
Знают девушки строгие,
Что вернутся немногие.
Но не знают про то —
кто.
Неужели все было так,
Потому что я вижу так!

Двадцать лет спустя

Повернем с Арбата на Арбат:
В переулок, с нового на старый.
Меж домов, за пустотелой тарой
Огоньки рекламные рябят.
Переулок гулок и багров,
Словно эхо под ноги запало.
Знаю, мама, стерто здесь немало
Дней твоих, надежд и каблуков.
Нам направо! Вот легли на медь
Зеленью оплавленные тени.
Тем трудней из памяти стереть,
Чем сильнее стер ногой ступени.
Нам налево! Лестничный пролет
Вновь тебя поймет, качнет, как лодка,
Лампочка моргнет по-детски кротко,
Только к двери ключ не подойдет.

✪

Как нам узнать,
Про что мы «знать не ведаем»,
И потому, про что мы знать должны,
В то время, как читаем и обедаем,
И по ночам переживаем сны!

Над головою небо не качается,
Но лампочки качаются, звеня,
И постоянно что-нибудь случается
Во мне, со мною или без меня.
Вот дворники — им снова делать нечего:
Метлой подкинут легкий снег окрест.
И хлопья станут оседать до вечера,
Не находя своих вчерашних мест.
И станут вместо Штрауса печального
(На небе можно классики не знать)
Ворон, с карниза класса музыкального,
За старых музыкантов принимать.
И в классе, проступая из-под войлока,
Стекать на стул и капать на пальто,
И на вопрос: «Вы что, свалились с облака!»,
Смущенно соглашаться: «Да, а что!»

Робертас Кетуракис

Перевел с литовского Дм. СУХАРЕВ

Орион

В нас молодость жила,
мы вырвались из лона
земли, забыв про хлеб.
Слепило нас тогда
на черном, как слюда, сиянье Ориона,
на куполе небес, на черном, как слюда.
В нас молодость живет,
и мы вернулись в лоно
земли, нам нужен хлеб и не нужна звезда,
и меркнет, догорев, сиянье Ориона
на куполе небес, на черном, как слюда.
Вернулись и, пока в нас молодость
пребудет,
земли не предадим.
Но снова звездный свет,
забытое, в глазах сиянье разбудит,
и будет нам светить былого света след.

✪

Жить не самим собой — и мило и немило.
Все хрупко в мире. Света луч разбит.
И время наши чувства уценило,
и больно от запрятанных обид.

Жить не самим собой — и мило и немило,
когда и скудость делишь пополам,
когда и души жмутся по углам,
когда и слово душу истомило.

Евгения Славоросова

✪

Ах, осень, поздняя любовь —
Янтарные зрачки!
Я месяц дергала морковь
На берегу Оки.

Пылал неопалимый куст,
А лес был рыж и рус.
Листа капусты свежий хруст,
Моркови сладкий вкус.

В костер подбрасывай сучки,
Картошку будем печь.
Была деревня Каблучки
Началом наших встреч.

Там за последнею избой
Простор — не хватит глаз,
Там в чистом поле мы с тобой
Столкнулись в первый раз.

Богато убраны леса,
И убраны поля.
В карманах зернышки овса,
На сапогах земля.

Руками слабыми несла
Земли моей дары.
Спалили душу мне дотла
Осенние костры.

Весна

Она своими прятками
Измучила.
Но вот
С утра протерли тряпками
Прозрачный небосвод.

Стеклом увеличительным
Поймала мир.
И вдруг
Все сделалось значительным:
И смех и взмахи рук.

Шептала:
«Кончено. Я тут» —
Рукой по волосам.
И эта радость, как батут,
Бросала к небесам.

Шептала мне:
«Молчи и верь!»
И от посулов тех
Стал долгим день,
стал кротким зверь
И серым зайца мех.

✪

Теперь слова резонные
Не слушает никто.
Уже демисезонное
Надела я пальто.

Раскручено вертушками
Садовое кольцо,
И свежими веснушками
Забрызгано лицо.

И взглядом завороженным
В глаза мне смотришь ты.
Полны лотки с мороженым,
И продают цветы.

И что-то непонятное
Мне душу бередит
И, как конфета мятная,
Чуть воздух холодит.

А ночью, как бездомная,
Брожу я, чуть жива,
И вовсе не резонные
Ты шепчешь мне слова.

✪

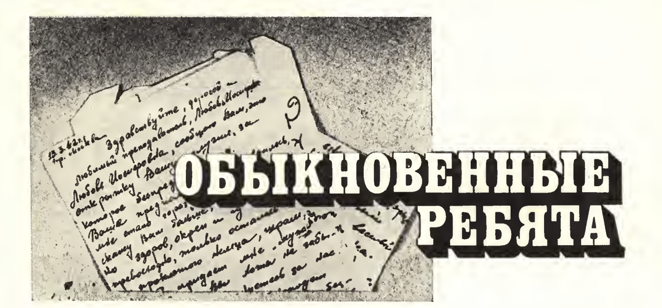
Не тверди, что я жестока.
Все неправда, ерунда.
Что, сбежав из водостока,
Прожурчит тебе вода!

Не зови меня неверной.
Ах, за что меня винить!
Разве неба свод безмерный
Можно в комнате хранить!

Разве птице в клетке место!
Тесно здесь моей любви.
Не зови меня невестой,
В жены тоже не зови.

Нет, не стану я ручною,
Осторожен будь со мной.
Я блесну волной речною,
Я метнусь во тьме ночной,

Я качну лесную ветку.
Поищи себе рабов!
И тебе оставлю метку —
Узкий след моих зубов.

ОБЫКНОВЕННЫЕ РЕБЯТА

Л. И. РОЗИНА.
Фото 1941 года.

Письма, которые вы сейчас прочтете, писали своей учительнице химии Любови Иосифовне Розиной мальчишки и девчонки, бывшие ученики 211-й школы Октябрьского района Москвы. Писали все долгие годы войны.

Война разметала ребят по белу свету, и учительница, озабоченная судьбой своих воспитанников — девяти- и десятиклассников,— решила разыскать их и соединить.

Пусть не в дружную суматошную классную семью,— куда уж там, война... Пусть только вестью, строчкой письма. Но соединить! Чтобы, как и прежде, почувствовали нужду друг в друге, почувствовали опору, силу дружеского слова, коллективную заинтересованность в судьбе каждого. Теперь, как никогда, нужно было сплотиться и выстоять, и, наступая на горло врагу, обязательно победить!

Уже в сентябре 1941 года учительница стала получать письма учеников. Глубокий тыл, Действующая армия, госпиталь, завод, школа, оборонительные сооружения и снова — фронт. Суровая атмосфера тех лет, воссоздаваемая правдивым, безыскусным пером, и прямо-таки реальное ощущение возмужания ребят — от письма к письму. Через ломку, отшелушивание мальчишеского, наносного — к зрелости мысли, к осознанию своего места в борьбе за победу. «Мне уже двадцать лет»,— гордо напишет учительнице один из ее учеников, дважды раненный, демобилизованный по инвалидности «под чистую» и теперь политработник на одном из тыловых заводов. И тут же грусть по несбывшемуся и признание — еще не любил, и светлая, почти детская мечта о будущем. И опять мужское, зрелое: все это нужно завоевать...

Недавно в редакцию пришла невысокая пожилая женщина. Она выложила пачку потертых конвертов и фронтовых треугольников. «Тридцать лет хранила. Письма моих ребят... Тут перечитывала и вновь услышала их голоса. Словно прозвенел звонок с урока, и они обступили меня. Дима Покаржевский, Петя Сагайдачный. Володя Цыганков, Ваня Сорокин, Люба Лепешкина, Володя Варюшин... Мои мальчики и девочки...»

Мальчики и девочки, вместе с народом вынесшие на своих плечах тяготы военного лихолетья, дожившие и не дожившие до Победы.

Послушайте их голоса.

ВОЛОДЯ ВАРЮШИН

Челябинск, 15 января 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна! Шлю Вам свой привет с наилучшими пожеланиями.

Вчера вечером получил Ваше письмо от 4.I.42 и очень ему обрадовался. Прежде всего скажу, где находятся ребята, о которых Вы спрашиваете.

Вавилкин Жорж находится в г. Куйбышеве, учится в Военно-медицинской академии, ему приходится очень много работать, времени свободного у него почти не бывает даже в выходной день. В последнем письме он спрашивал у меня Ваш адрес, но я ничего ему не мог ответить, так как сам его не знал.

Рэм неизвестно где находится.

Алексей Попов в артшколе в Йошкар-Оле. Там же находится и Ваня Сорокин.

Цыганков Володя в Москве, прислал мне письмо, жалуется на скуку и на всех обижается за молчание. Я ему послал два письма, но ответа на них не получил еще.

Веду переписку с Никитиным Виктором—тоже Вашим воспитанником. Он окончил курс в мотошколе, получил звание водителя и ожидает своей очереди.

Нина Хахарева в Москве.

Виктурина находится в г. Тетюши, работает в колхозе.

Больше ни о ком ничего не знаю.

Теперь расскажу о себе.

Учиться нетрудно, летать трудней. Но летаю я тоже неплохо, за последний полет получил «отлично». Летать холодно, несмотря на то, что довольно здорово закалился.

При минус 15 свободно хожу в одной гимнастерке, без шинели.

Иногда наблюдается, что на высоте 1000 м температура выше, чем на земле. Это интересно, но не очень, так как при такой обстановке на земле получается дымка и плохо ориентироваться.

С 9-го на 10-е (24 часа) ходил в караул. Ночью стоял на посту. Только пришел, лег на диван (в караульном помещении), думая соснуть, слышу, кто-то за ногу тянет, смотрю: друг Колька Самарин. «Вставай,— говорит,— «Боевой листок» выпускать надо». Вот не было печали. Встаю. Вошли мы с ним в комнату начальника караула и давай стряпать: он рисовать, а я сочинять, и пришлось мне одному заполнить всю газету.

Быстренько «накатал» заметочки, половину в прозе, половину в стихах и выпустил к 12 часам 10 января караульную стенгазету «Боевой листок». Газета вышла на славу.

11 января был день моего рождения, мне исполнилось девятнадцать лет, и в этот день я получил благодарность от начальника караула за отличное несение караульной службы.

Взысканий я пока что не имею.

Собственно говоря, здесь уже все приелось, хочется нового.

Я бы сейчас с удовольствием полетел на фронт, но... что сделаешь, придется еще ждать с полгодика, что меня вовсе не устраивает.

Лентяем я остался таким же, каким был в Москве. Родные мои все находятся в Москве. В Москве стало гораздо лучше, тревоги стали реже.

Ну, пока, всего хорошего!

До свидания!

Желаю Вам успеха и уверен, что Ваши новые воспитанники полюбят Вас так же, как в свое время любили Вас мы — ученики 10-го «Б».

С приветом — В. Варюшин.

P. S. Между прочим, к моему удивлению, мне пригодилась химия, так как мы начали проходить разные хлорацетоны, окиси углерода, синильную кислоту...

Ну, до свидания!

С приветом —

В. Варюшин».

ВАНЯ СОРОКИН

Москва, 15 сентября 1941 года.

«Здравствуйте, Любовь Иосифовна!

Я очень извиняюсь перед Вами, что Вам долго не отвечал, но это объясняется тем, что работать приходилось сравнительно много, примерно... по шестнадцать часов. Приедешь домой, покушаешь и спать, встаешь — и на работу, так продолжалось до 14 сентября.

Но сейчас я ушел с одной работы (я работал лаборантом и пожарником), так что сейчас времени больше. С 15.IX начали учиться в 214-й школе. Из нашей школы учатся 15 человек.

Вы спрашиваете, где Петя Сагайдачный? Я Вам отвечу то, что слышал, но точно сейчас не знаю, думаю, что он будет учиться и работать. Он работает на заводе самостоятельно, и его с работы не отпускают.

Оля Лукьянова эвакуировалась в Уфу вместе с мамой. Очень жаль, что она уехала и уехала-то как-то странно, неожиданно — я пришел с работы, а ее уже нет... Она часто пишет мне и все время вспоминает Вас, да и кто Вас не вспоминает — все, все Ваши ученики. Если у Вас, Любовь Иосифовна, будет свободная минутка, то напишите Оле туда... Я думаю, что Вы не забыли Марка Сизова. Так его тоже в Москве нет, и это я очень сильно ощущаю, скучно без него, как-никак, а он был лучшим моим другом.

А помните, у нас в классе был самый высокий человек, который сидел со мной на задней парте. Вы вспомнили его... Владимир Отделенов. Так вот: он тоже эвакуировался, но оттуда через месяц прискакал в Москву и сейчас учится.

Женя Рушева и Аня Мешковская были на трудовом фронте около 1,5 месяца, вернулись оттуда загорелые, полные и веселые.

О Ваших десятиклассниках Вам уже рассказали, где они, что с ними.

А о новых десятиклассниках я Вам буду рассказывать!

Ну, пока писать больше нечего. Передайте мой искренний привет Михаилу Сергеевичу (М. С. Попов, преподаватель математики.— Ред.) и всем Вашим воспитанникам.

С приветом —

Ваня».

Москва, госпиталь, 15 февраля 1942 года.

«Здравствуйте, дорогой преподаватель Любовь Иосифовна!

Мое письмо будет для Вас большой неожиданностью. Вы, наверное, уже забыли о моем существовании. Вы не знаете, где был я, что видел и где сейчас. И вот, прочитав Вашу открытку к Нине Х., решил Вам написать.

Сейчас я в Москве, в госпитале, потому что 25 января был ранен в селе Егорьевское, Калининской области. Я надеюсь, Вы знаете, что я был взят в армию и что до фронта находился в Йошкар-Оле.

На фронте пробыл мало, какой-то месяц, и меня ранило осколком снаряда в левую скуловую область. Много видел таких эпизодов, что рассказывать их хватило бы целого школьного вечера и не был бы я на нем таким скучным и молчаливым, как это было раньше. Вы помните, как это бывало?

Вот, если мы все соберемся и Вы как классный руководитель и наш старший друг и товарищ откроете вечер, тогда-то я расскажу: как наступали, как брали населенные пункты, как были в окружении, как прорывались и т. д.

11 февраля был на рентгене, где обнаружили, что у меня в скуловой части, на самой кости, лежит осколок 1,5 см, а 12 февраля решили делать операцию. Осколок удален, но голова, нет спасу, болит, мало того, в голове стоит какой-то шум вот уже третий день. Как будет дальше, не знаю.

Больше писать не могу, устал. Вы меня извините за то, что мало пишу и так несвязно. Вот когда все пройдет и когда поеду еще раз на фронт, напишу еще. Привет Вам от Нины Х., от Алексея Попова, который на фронте, Волкова Ильи — помните его? — он тоже на фронте.

До свидания. Напишите, если будет время.

С красноармейским приветом — Ваня Сорокин».

Москва, госпиталь, 13 марта 1942 года.

«Здравствуйте, дорогой и любимый преподаватель, Любовь Иосифовна!

Любовь Иосифовна, сообщаю Вам, что открытку Вашу получил, за которую беспредельно рад. Ваше предположение оправдалось, мне стало гораздо лучше, да скажу Вам больше, что я совершенно здоров, окреп и чувствую себя превосходно. Только осталась метка от проклятого немца, шрам, который придает мне «мужества». Я рад, что Вы не забываете нас, волнуетесь за нас. А то другой раз нападает такая апатия, что все безразлично, все думаешь, тебя забыли, и от этого становится еще в несколько раз больней, так, что сердце прямо разрывается... Ну ладно, а то я сильно расчувствовался, а это не подобает воину Красной Армии.

Время в больнице провожу хорошо с другом Васей, который воевал 7 месяцев и первый раз в госпитале. Очень веселый человек, много мне рассказы-

вает о своей жизни в ДВК (Дальневосточный край.— Ред.), о своей работе, о службе в Военно-Морском Флоте, вообще замечательный товарищ, и думаем ехать на фронт вместе. Дня выезда ждем со дня на день, а там опять за старое и хорошее дело: бить немцев. Особенно приятно бить их, когда они отступают или когда переходим в атаку. Несешься, как сумасшедший, и ничего не думаешь, в эту минуту тебе «море по колено». Но когда ранило осколком в голову, то подумал, что пожил и хватит. И упал, а больше ничего не помню. Не помню, что я говорил и о чем думал, но вскочил и из дому выскочил прямо на минометный огонь. Как только мне мина в голову не попала, не знаю. Но это все прошло. Я теперь здоров, и о прошлом вспоминать нечего. Алексей и Илья уже второй месяц ничего не пишут с фронта, я уже думаю об их жизни. Ведь война без жертв не бывает.

Любовь Иосифовна, я не знаю, почему не пишет Вам Володя Цыганков, но мне это не удивительно. Он какой-то стал чудной, даже ко мне не выбрал время приехать. Жаль, но ничего не сделаешь. Про Диму Покаржевского слышал, но не знаю точно, говорят, что он под Москвой, где-то в армии. Вавилкин прислал Нине открытку и пишет, что сессию сдал на «отлично»...

Вот и все новости, которые я слышал от Нины Х. и от других.

Ко мне часто приходит Люба Лепешкина, хороший она человек, а Леша, Жоржик, Люся были по одному разу и больше глаза не кажут. Вот как они помнят меня, Ванечку, как называла меня Люся, а сама... глазу не показывала до 8 марта.

А пока до свидания. Крепко жму Вашу руку.

С красноармейским приветом —

Ваня Сорокин».

Москва, 27 апреля 1942 года.

«Здравствуйте, дорогой, многоуважаемый преподаватель Любовь Иосифовна!

Сейчас в г. Москве, еду вторично на фронт. Дважды выпадает мне честь защищать свою Родину, свое счастье от проклятого, ненавистного врага!

Встретил в Москве Женю Рушеву, Любу Лепешкину, которые меня очень обрадовали, что не забыли меня. Получил письмо от Оли Лукьяновой, которая пишет, что скоро испытания, скоро она будет показывать свои знания, основы их она получила у Вас, дорогой и любимый преподаватель. И я вместе с Вами горжусь, что хотя и не окончил средней школы, но основы у нас крепки, и мы Вас не подведем.

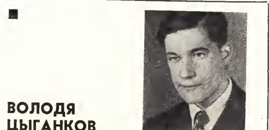
Узнал печальную весть об Алексее Попове, что он погиб от тяжелых ранений в госпитале, что он был на Ленинградском направлении и защищал его, как только подобает преданному воину. Вечная память тебе, мой дорогой друг! За твою смерть мы отомстим, а тебя никогда не забудем. От Рэма Октябрьского ничего нет, наверное, его постигла та же участь.

Наверное, Любовь Иосифовна, после 1 мая вступим в бой на Западном фронте. Может быть, мне придется сложить свою голову на Смоленщине, но я не жалею об этом, потому что знаю, что после войны жизнь будет счастливая и радостная, и нас потомки ругать не будут. А своим ученикам скажите, чтобы они учились, брали все и не обращали на весеннее солнце свое внимание. Я знаю сейчас их настроение, так как мне сейчас столько же лет, сколько им. Но я уже почувствовал, узнал, что терять свободную минуту нельзя, надо учиться, учиться и учиться. Особое внимание надо обратить на ОВ. на хим. защиту. а то приходится краснеть, когда люди старше меня не знают простых вещей, встречаются и с 10 классами такие. Особенно в настоящее время! Больше писать не знаю что, да и неудобно, поезд прибавляет пару.

Пока до свидания, дорогой и любимый друг и товарищ!

Привет всем ученикам, особенно Вашим воспитанникам.

С приветом — Ваня Сорокин».

ВОЛОДЯ ЦЫГАНКОВ

Москва, 9 мая 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна! Примите от меня самый теплый, самый дружеский, несущийся из глубины сердца привет! Удивляйтесь, Любовь Иосифовна, удивляйтесь, ибо на этот раз Вам шлет слова привета не Нина Хахарева, не Мила Виктурина и не другие Ваши постоянные корреспонденты. Любовь Иосифовна! Перед Вами кающийся Володька Цыганков. Он родился и привык быть таким молчаливым и необщительным, что, по последним сведениям, несущимся из города Серова, что на Урале, причислен к разряду «диких и до крайности грубых» людей. О, он, конечно, вполне понимает свою вину (ведь и у дикарей бывает совесть!), и поэтому сейчас Вы видите его именно в такой позе, а не в какой-либо другой: он стоит на коленях, дрожащих от страха, и смотрит на Вас печальным и умоляющим взором. «О, простите мне мою вину»,— говорит весь его вид, и сам Володька при этом ужасно грустит. Но вот он слышит слова. Ваш голос! Боже мой, да это Ваш голос, голос маленькой милой женщины в черном халате и в очках, такой знакомый голос простой и близкой Любови Иосифовны. Вы говорите: «Встань, Володя! Сейчас нельзя быть таким плаксивым, нынешнее время требует от людей стойкости и твердости, а ты... Я прощу тебе твою вину, если ты будешь говорить языком настоящего мужчины, будешь хоть немного похож на бойца нашей героической Красной Армии». Я слышу это, вникаю в смысл Ваших слов и начинаю сознавать, что Вы вполне правы. Да, Любовь Иосифовна, Вы правы, мне надо изменить себя. Я обещаю Вам не подкачать, слушайте меня, я буду говорить о себе, о новом Володьке, вдохновленном Вашими словами и воспоминаниями о Вас. Я принимаю свой обычный вид, я делаюсь таким, каким сделал меня труд, работа на заводе, война, лишения и разум. Вы, конечно, не узнаете меня.

Любовь Иосифовна! Прошло много времени с тех пор, как я простился с Вами, много воды утекло с тех пор, многое изменилось за это время. Изменился, слава богу, и я. Признанный комиссией негодным

к службе в армии, я остался в тылу. Товарищи мои все разъехались, уехали почти все друг от друга и почти все от меня, из Москвы. Разгорелась война!.. Я поступил на завод. Об учении нечего было и думать. Стал учиться на фрезеровщика. Тяжело мне пришлось, тяжело не потому, что я был не способен к такой работе, а потому, что вся душа моя органически не могла ужиться с заводом. Вы ведь знаете меня, каким я был раньше, в школе. Говорю прямо, я не люблю свою работу, ничего меня не интересует на заводе. Я с трудом сломал себя. Мне пришлось для этого переменить не одну специальность. Достаточно сказать, что я пытался быть заточником, шлифовщиком, упаковщиком, фрезеровщиком, электромонтером, но стал только токарем, т. е. основательно изучил и приучил себя только к токарному ремеслу, да еще немного к фрезерному. Остальные специальности не подошли ко мне, н опять-таки не потому, что я был не способен освоить их, а все потому, что не нравились они мне, до крайности противны были они всей моей душе, всему складу моей натуры.

На заводе я работал до октября. В октябре мне удалось взять расчет, и я сделал небольшую поездку в Татарскую АССР к эвакуированным сестрам. Работа на заводе, эта поездка, война и связанные с нею лишения подействовали на меня в самую лучшую сторону: они отрезвили меня, заставили встать лицом к жизни, к действительности. Сейчас я с гордостью могу сказать, что от прежней романтичности, от прежней сентиментальности и слезливости во мне не осталось и следа. Я очень этому рад! Вы не увидите больше на моем лице девичью краску, свойственную мне раньше. Вы не увидите больше моих дрожащих рук, как раньше, когда я отвечал Вам урок. Нервозность, угрюмость и хандра убежали от меня. Я обновился, и это не бахвальство, Любовь Иосифовна, это сущая правда. Сейчас я примерно такой: я рабочий большого завода, выполняю норму на 200—250%, интересуюсь текущими событиями, участвую в общественной работе. Но окончательно привыкнуть к заводу до сих пор еще не могу. Я чувствую, что завод принес мне реальную пользу: он сделал меня серьезней, живее, общительней... Несколько дней назад я подал заявление в военкомат о добровольном вступлении в Красную Армию. Сейчас я уже прошел медкомиссию и жду повестки. Куда я пойду — в училище или на фронт — для меня все равно. Ну все, прощайте, Любовь Иосифовна. Пишите...

Ваш В. Цыганков».

Московская область, 12 июня 1942 года.

«Здравствуйте, Любовь Иосифовна!

Две недели назад я отослал Вам небольшую открыточку, в которой очень кратко рассказал о своем положении и местопребывании. Вы, может быть, уже узнали, что я живу и учусь в Московском пулеметном училище, которое наметило в своей программе выпуск средних командиров для Красной Армии. Хорошая учеба и успешное усвоение всего преподаваемого материала сулят мне в будущем звание лейтенанта. Вы, наверное, скажете, что я иду к счастью, но, по-моему, это немного не так. Конечно, очень хорошо быть военным, особенно в такое напряженное время, как наше; конечно, служба в Красной Армии является благородным делом, дающим военному почет и уважение всего народа. Это вполне ясно и понятно мне, и я даже не буду пытаться обсуждать эту неоспоримую истину — аксиому, как сказал бы наш Михаил Сергеевич. Быть военным, находиться в числе защитников Советской Отчизны даже в качестве простого рядового бойца, а не военного руководителя, вполне заманчивая штука, как для меня, так и для всех молодых людей моего возраста. Но одно условие немного смущает меня и заставляет порой глубоко и часто весьма тревожно задумываться над своей дальнейшей судьбой. Послушайте, Любовь Иосифовна, что мне предстоит в будущем: через несколько месяцев я кончаю училище, я старался учиться на «отлично», и потому у меня в петлицах два кубика, обозначающих звание лейтенанта. Я еду на фронт, получаю в свое распоряжение энное количество людей, обучаю их, веду в бой и отдаю все свои силы делу победы над врагом. Это очень хорошо, и вот это — то, что заставляет мое сердце всегда радостно биться, но что же дальше? Дальше — победа, фашизм разгромлен и уничтожен, я остаюсь живым, возвращаюсь к своим родным, друзьям и т. д. Меня почитают и уважают — это все очень и очень хорошо. Дальше. Страна приступает к восстановлению разрушенного хозяйства, большая часть людей приступает снова к своим любимым занятиям, а я... мне придется служить в армии, служить до 55 лет (средний командный состав обязан служить в армии до этого возраста)... Я — Вы, быть может, знаете — никогда не думал быть военным. Итак, несмотря на мою нелюбовь ко всему тому, что связано с войной, я должен буду всю жизнь провести в лагерях и казармах, всю жизнь отдавать команды и приказания. Это, я сознаюсь, меня крайне огорчает, заставляя иногда грустить и хмуриться. Я пишу к Вам, дорогая Любовь Иосифовна, с надеждой, что Вы ответите на мое письмо и, учтя мою просьбу, наставительно-дружески укажете мне на мои ошибки в этом вопросе и дадите очень приятные для меня свои мудрые советы и пожелания.

Прошу Вас, Любовь Иосифовна, сделать это, я буду Вам вечно благодарен. А сейчас с обоюдного согласия поговорим о чем-нибудь веселом. Как хорошо мне сознавать, что я готовлюсь к выполнению возвышенной задачи, как приятно чувствовать, что уже сейчас я приношу Родине пользу, добросовестно усваивая указания и наставления своих командиров. Я уже изучил материальную часть некоторых видов вооружения, начал стрелять из боевой винтовки и показал в стрельбе хорошие результаты. Я ознакомился с военной топографией, тактикой различных родов войск и их функциями в войне, я физически стал сильнее и выносливее, а в дисциплине — строже и исполнительнее. Я радуюсь этому и горжусь своим положением. Эта радость гораздо больше и ощутимее, нежели мрачные, тягостные раздумья о будущем: она успокаивает меня и настраивает на самый веселый лад. Так давайте же, Любовь Иосифовна, забудем про наши временные горести, пожмем в радостном предчувствии скорого счастья руки и громко-громко, так, чтобы было слышно мне и Вам, посмеемся и пожелаем друг другу самого наилучшего в жизни — скорого разгрома гитлеровского зверья, оголтелого немецкого фашизма.

До скорого теплого и дружеского свидания.

Ваш Цыганков».

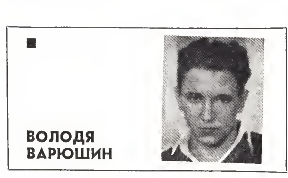
1 августа 1942 года.

«Дорогой мой учитель и наставник Любовь Иосифовна! Разрешите выразить Вам огромную радость, доставленную мне Вашими бесценными письмами. Я сознаю свой большой долг перед Вами, но, несмот-

ря на все это, я не в силах оплатить Вам его. Короче говоря, Любовь Иосифовна, я сейчас не имею времени на то, чтобы написать Вам письмо, достойное по своему объему и содержанию Вашего.

Любовь Иосифовна! Вот уже два месяца как я курсант МПУ. Изменилась моя жизнь, изменился и я сам. Насколько я изменился и что из меня будет в дальнейшем, покажет жизнь. Сейчас что-либо говорить об этом я не хочу. Я заключил недавно в письме с В. Варюшиным пари, в котором ставил условие: выиграет пари тот, кто первым из нас попадет на фронт и откроет счет отправленным по назначению «фрицам». На это теперь я обращаю свои силы и способности, остальное, Любовь Иосифовна, Вам из этих слов будет понятно и ясно. Скоро у меня будет праздничный день: я принимаю военную присягу. Все, примите мой сердечный привет и наилучшие пожелания.

В. Цыганков».

Челябинск, 26 января 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна! Шлю вам свой привет с наилучшими пожеланиями.

Сегодня исполнилось ровно пять месяцев, как я первый раз поднялся в воздух. Какая за это время произошла перемена, как много я узнал нового! Какая разница между первым полетом и последними полетами!

Тогда я, да и остальные ребята, был просто пассажиром. Смотрел, выпучив глаза, вниз и удивлялся, уделяя приборам нуль внимания, и только на поворотных пунктах записывал время.

Второй полет протекал уже более благополучно. Третий полет был уже с бомбометанием, ну, тут я немного запутался в расчетах прицельных данных, ну и промазал на двадцать метров, зато уже в следующем полете я был доволен собой. Все точно рассчитал и «вложил» бомбы, как и полагается, в цель. Ну, а дальше легче стало летать.

Вот только сейчас, зимой, летать трудно: холодно, и цель плохо видна, в последний полет я промазал опять на двадцать метров.

Но уж если придется немцев бомбить, то я едва ли промажу. будьте спокойны, по Берлину, во всяком случае, не промахнусь. Я, конечно, смеюсь, так как по Берлину вообще нельзя промазать, Берлин ведь не точка.

Вчера в ночь ходил на метеостанцию, всю ночь «наблюдал погоду». Сегодня спал весь день. Аж обоспался немного, но это ничего. Лишнее никогда не мешает.

Бывшие курсанты нашей школы творят на фронте чудеса. Так, один бывший курсант, ныне сержант, летая на тихоходной старой учебной машине «Р-5» (Вы спросите своих учеников о ней, они, вероятно, знают), сбил семь немецких самолетов!

Другой, летая на «У-2», без всякого оружия заставил врезаться в гору «мессершмитта». Вообще, эти «У-2» творят чудеса. Вылетят ночью, как стая комаров, и действуют по танкам. Скорость маленькая, спустится на небольшую высоту и начинает охоту. Бьет почти наверняка. Вот дела какие творятся.

Ну, всего хорошего!

До свидания!

С приветом —

В. Варюшин».

Челябинск, 25 февраля 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна!

Шлю Вам свой привет, привет от человека, только что избавившегося к своей великой радости от опеки медицинских работников и имевшего «счастье» проглотить за дни этой опеки столько горько-соленых пилюль и порошков, сколько мне не приходилось глотать за последние десять лет!

Выздоровел и снова за учебу: все учусь, так и война может кончиться, а я все буду учиться, это мне вовсе не улыбается: коптеть где-то в тылу, в безопасности, когда мои товарищи уже давно дерутся на фронте, некоторые уже убиты, а некоторые ранены. Интересно, что они обо мне думают, небось, думают: «Отсиживается там в тылу, а мы за него кровь проливаем!» Я как об этом подумаю, так мне стыдно делается. Ну, ладно, как на фронт попадем, сразу за всех рассчитаемся.

...Ну, пока, до свидания! Всего хорошего! С приветом —

В. Варюшин».

Челябинск, 2 декабря 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна!

Шлю Вам свой привет и желаю всего наилучшего! Я Вам давненько не писал, Вы уж, наверное, соскучились по моим письмам? А я, как видите, все еще здесь, в Челябинске, никак не могу с ним распроститься, так он меня полюбил, что до лета 1944 года не выпустит из своих объятий. А я плачу «взаимностью», уже стал его ненавидеть всеми силами своей души.

Живу я все по-старому: «однообразие, выраженное повторением дня в нынешние сутки», и так каждый день одно и то же. Если я еще здесь года полтора просижу, то вконец отупею.

Выдали нам лыжи, по паре на каждого гаврика, и, говорят, будем делать вылазки на 10, 20 и 30 км. Представляете — это с моими лыжными способностями, когда я всего один раз в жизни ходил на 10 км. Одно меня утешает: как-никак, а я спортсмен все же, думаю, что как-нибудь пройду. Лыжи я себе уже просмолил и прокалил, так что готов к любым вылазкам.

Из Москвы пишут, что Жорж Вавилкин около месяца валяется в госпитале, его трясла малярия, сейчас, наверное, уже выписался. Рэм пропал без вести, а мне не представляется возможность даже отомстить. Самолет бы в мое распоряжение, уж я бы дров нарубил! Бомбить я стал как бог — четыре бомбы вкладываю в цель. Так что будьте спокойны, уж не промахнусь, когда надо будет!

Сейчас математикой увлекаемся, задачами, составляем их в большинстве сами и притом такие, что Михаилу Сергеевичу Попову пришлось бы немало над ними посидеть... Ну, вот, и чернила в ручке кончились, приходится дописывать карандашом.

Сегодня наше отделение уходит в наряд, значит, завтра у меня день свободен, не знаю, что буду делать. Обычно в такие дни у меня настроение плохое: ходишь без дела, не зная, куда силу свою приложить!

Ну, пока, до свидания!

Всего хорошего!

С приветом — Владимир».

ЛЮБА ЛЕПЕШКИНА

Москва, 19 апреля 1942 года.

«Здравствуйте, Любовь Иосифовна!

Вчера прочла Ваше письмо, которое тронуло меня до глубины души, и теперь я не могу, просто не вправе Вам не ответить.

Вы не представляете себе, сколько изменений произошло в это, казалось бы, короткое время, в частности, в моей жизни. Я постараюсь описать все поподробнее.

Как только объявили войну, мы, девочки: я, Оля Л., Нила и Люся,— пошли заниматься на курсы дружинниц — у нас было огромное желание идти на фронт. Мальчики некоторые, как Петя Сагайдачный, Жорж, пошли работать на завод, а Валя Летунов поступил работать матросом на теплоход «Иосиф Сталин». Жизнь наша в то время протекала довольно-таки в веселой обстановке. Мы часто встречались с нашими мальчиками, болтали с ними, ходили в кино и т. п. Они нас разыгрывали за наш пыл и убеждали нас, что ни на какой фронт нас не возьмут, что страшно злило нас и вызывало много споров. (Но в конце концов они оказались правы.) Мы кончили курсы дружинниц, после чего дежурили на медпунктах во время бомбежек, когда приходилось принимать прямое участие в оказании помощи пострадавшим. Но и это недолго продолжалось: вскоре наша дружина распалась, и я поступила работать на завод, где работал Петя. Я знаю, что это вызовет у Вас улыбку, но не улыбайтесь, Любовь Иосифовна, я поступила не потому, что там работал Петя, а потому, что только там был набор да и завод-то находился весьма близко. Итак, я работаю на заводе, в пятом пролете, фрезеровщицей. Какая прекрасная специальность! Да Вы себе не представите! Я так полюбила работу, что прямо-таки только ею и жила. И, конечно, встречалась там с Петей и часто ждала у его станка (он работал уже самостоятельно по 12 часов). Он был токарем-карусельщиком, работу свою очень любил и был вскоре зачислен в число стахановцев. Он часто говорил мне, что пойдет на фронт, как только настанет зима (ему страшно хотелось в лыжный батальон), что и случилось, как Вы увидите позже. Все бы хорошо, да тут произошли такие недоразумения. Во-первых, Петя поругался с отчимом благодаря своему «собачьему характеру», как он выражался. И вот это-то впоследствии мешало мне видеть его, ибо он ушел из дома жить к тете своей, адрес которой никому не известен. Во-вторых, прошел слух, что открываются школы, я скорее подаю заявление об увольнении. Как ни убеждал меня Петя остаться и учиться, совмещая это с работой,— ничего не вышло. А как трудно было уходить! Я уже работала самостоятельно на своем маленьком станочке. Но учеба для меня дороже всего, и я ушла с завода. Это было 30 августа, и с этого дня до сих пор я ничего не знаю, не слышу о Пете.

Ушла... и ошиблась, школы не открывались. Мне неловко было опять идти и устраиваться на завод. Но так сидеть было неудобно, а тут еще Нила пришла со своими убеждениями, что надо поступить куда-нибудь, откуда скорее могут отпустить в случае открытия школ. И мы пошли на картонажную фабрику. Самым основным горем явилось то, что я не любила свою работу (а работа моя была весьма оригинальная—я делала коробочки для тортов). Я приходила на фабрику со слезами и уходила с фабрики со слезами. И тут, как назло, никого не вижу, уж не говоря о Пете. Потом вдруг открылись школы, пока я подавала заявление, да пока его подписывали, школьников всех отправили в совхоз, так что мне не пришлось даже увидеть наших ребят. И Петя был в школе, но он еще работал, так что в совхоз его не взяли (это я узнала от Нилы и Ани позже).

Итак, я оставалась на фабрике. Я страшно желала делать что-нибудь поразнообразнее, и, наконец, пришло это разнообразие: я от фабрики работала на трудовом фронте 29 дней. Сначала работала на окопах, а зимой, в самые сильные морозы, пилила лес, делала лесные завалы. Во второй раз я была в двух километрах от линии фронта, так что теперь имею немножко представление, что такое фронт. После боя мы ходили на поле сражения, где видели все ужасы, плоды, результаты боев. Ужасно, Любовь Иосифовна, видеть обгорелых бойцов: с разбитыми черепами, замерзшие, они лежали, как фарфоровые куклы, во всевозможных позах. Жутко!

А потом опять фабрика, опять однообразная работа в картонажке. А теперь я учусь — вот когда осуществилась моя мечта! Я так рада, так рада, что трудно представить предел моей радости! Учителя у нас новые, первое время, правда, Михаил Кузьмич (М. К. Фатеев, учитель литературы 211-й школы.— Ред.) преподавал, а теперь что-то не преподает, не знаю причины. Сейчас у нас второй цикл — литература и физика, гонят страшно как, трудно, конечно, но ничего, справимся как-нибудь, не правда?

Нас страшно взволновало, когда узнали о ранении Ванечки Сорокина. Я несколько раз ходила в госпиталь и теперь веду с ним переписку. Любовь Иосифовна, представьте себе, как жалко Петю, судьба которого никому не известна. Я ходила на завод, где ничего мне не сказали (они сами его отыскивают). А он, верно, на фронте, он (я забыла Вам сказать) вступил в комсомол, наверное, чтобы скорее взяли на фронт. Ведь как трудно думать о том, что Петя где-то, может быть, лежит раненый, в госпитале, куда никто ему не пишет, никто к нему не придет. Не знаю, как Вам, а мне очень и очень жалко этого юношу. Ведь он очень хороший и чуткий мальчик, в чем Вы, наверное, не сомневаетесь.

Любовь Иосифовна, если Вы хоть что-нибудь узнаете о нем, напишите, пожалуйста.

«Кончаю! страшно перечесть...» До свидания, Любовь Иосифовна. Крепко обнимаю и целую Вас.

Ваша ученица Люба».

Москва, 5 июня 1942 года

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Который раз перечитываю Ваше письмо и никак не могу оторваться. Сколько теплых советов, сколько сердечного тепла вложено в него! Тем более, что я сейчас нахожусь в моральном упадке, и ничем, кроме Ваших писем и писем Марксэны и Оли, не успокаиваюсь. Любовь Иосифовна, в том месяце (то есть в мае) нашу семью постигло три несчастья: смерть бабушки, смерть отца и увечье старшей сестры. Вы, конечно, понимаете мое душевное состояние в данный момент. Кроме того, из-за этих несчастий я отстала в школе, и теперь мне приходится усердно и весьма усердно готовиться, тем паче что с 9 июня у нас испытания второго цикла: литературы и физики. Учусь я, Любовь Иосифовна, несмотря на тяжелые материальные условия, довольно неплохо: первый цикл — математику — окончила на «отлично». Постараюсь так же кончить и второй цикл. Еще раз повторяю, Любовь Иосифовна, что письмо Ваше повлияло на мое настроение: оно придало мне больше бодрости и даже, в некоторой степени, и веселости. О Пете я ничего не слышу, да и не от кого! Ведь, кроме меня, признаться, никто и не заботился о том, существует ли Петя или нет его. Все девочки, а также и мальчики, только лишь желали поболтать с ним, а узнать, где он и что с ним случилось, никто не желал.

Я, Любовь Иосифовна, ходила и к Петиному отчиму, но, к сожалению, никого не застала дома, а потом вообще опечатана была квартира, так что нечего было и ходить. А здесь недавно как-то я увидела (или это мне показалось), что в квартире их открыты на балкон двери. Но я страшно спешила и никак не могла зайти. И теперь, как только сдам второй цикл, во что бы то ни стало пойду и все узнаю, живет ли кто там или нет.

...Я живу сейчас, Любовь Иосифовна, только мечтой сдать испытания, то есть окончить 10-й класс, и увидеть при каких бы то ни было условиях Петю. Мысль о нем не выходит у меня из головы: с тех пор, как я его не вижу, ни на минуту из головы не вылетала эта мысль. И я стараюсь, Любовь Иосифовна, стараюсь осуществить это! Но, увы! Все старания мои разбиваются о скалу неудач. Я никак не могу подумать, что его уже нет. Нет, это не вяжется както. Этого, кажется, быть не может. Такой человек, храбрый, смелый, истинный патриот, не может так быстро погибнуть! Мне кажется, он обязательно будет героем этой войны! Ведь правда, Любовь Иосифовна? Как бы только узнать о нем, через кого бы? Этот вопрос все время мучает меня: и никак я не могу ни с кем из его родных связаться.

До свидания, дорогой мой учитель, Любовь Иосифовна.

Крепко, крепко Вас целую.

Люба».

Москва, 2 июля 1942 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

...Я вчера не закончила письмо из-за страшной головной боли. Целый день я провалялась в постели с температурой 38,5, а сегодня уже нормальная температура, и я решила дописать Вам письмо. Закончим мы наш курс 26 августа, а там — в институт. Вы не можете себе представить, как я обрадовалась, когда мне мама сказала: «Ну что ж, кончай институт». О боже! Думала ли я когда о таком счастье, тем более в такое трудное время! Так или иначе я поступаю в институт. Я уже ходила узнавать, когда прием и как быть, если мы кончаем только 26 августа. Ходила я в геологоразведочный институт (факультет геолого-почвенный). Эта давнишняя мечта моя как будто хочет осуществиться. Вот почему я Вам говорила выше, что химия играет важную роль в моем будущем. Любовь Иосифовна, советуете ли Вы мне в геологоразведочный? Напишите обязательно. Только одно горе: я плохо вижу, особенно в последнее время. Правда, очки у меня есть, и я их в школе надеваю, но ведь на практике геологов придется их всегда носить! (Вот это-то меня и смущает!) А в общем, все ерунда, с этим-то как-нибудь справимся, только бы поступить в институт!

Дорогая Любовь Иосифовна! Я Вам писала, что в Петиной квартире кто-то живет. Да, это правда! Но сколько раз я ни заходила, все мне не удавалось застать жильцов. Я буду стараться все-таки узнать, кто же там живет.

Сестра поправилась, только глаз еще плохо видит, но это пройдет со временем. Мама чувствует себя ничего. Вот человек, полный энтузиазма! Несмотря на свои шестьдесят лет, она работает и работает неплохо.

Вам от нее сердечный привет. Ванечка мне ничего не пишет, не знаю, где он. Видела Тамару Аиохину. Она сказала мне, что Дима Покаржевский находится в полевом госпитале, раненый в ногу и лопатку.

Да, Вы знаете, что Алеша Попов умер в госпитале?

Крепко, крепко Вас целую, моя дорогая Любовь Иосифовна!

Вы спрашиваете, друзья ли мы с Вами стали? Конечно, друзья навек!

Ваша Люба».

Москва, 4 августа 1942 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

...Очень растрогала меня Ваша душевная большая забота о нас, Ваших должниках, которые (особенно я) сделали Вам столько неприятностей, хлопот. Да, я уже окрещенный, хотя и сравнительно легко. Ровно пять месяцев я провалялся в госпиталях и, наконец, с еще открытой раной (на ноге) вырвался в нашу родную, замечательную Москву. Расскажу немного о своем ранении. Был я ранен на Северо-Западном фронте, недалеко от озера Селигер, в ночь на 3 марта. Меня прострочили из автомата: две пули попали в лопатку и ступню. По лопатке пуля прошла вскользь (так как я лежал, вернее, полз), и, хотя сделала большую рану и проехалась по кости, эта рана была более легкой и быстро (к середине мая) заросла. Сейчас на этом месте остался только большой выпуклый рубец. Вторая пуля наделала более серьезные

дела: раздробила и вырвала нижнюю часть лодыжки (что у нас называется наружной щиколоткой) правой ноги и немного повыше переломила малую берцовую кость. Рана была большая и не очень красивая: рваные края, глубина — около 4 см и еще ко всему обломок кости торчал из нее. Сейчас и эта рана стала лучше (была 15×6 см, стала 8×3 см), но она все открыта и кость видна на дне раны.

Проехал я 13 госпиталей: 8 около фронта и 5 в тылу — города Валдай, Ярославль, Арзамас, Казань и, наконец, Васильевский дом отдыха под Казанью (в 25 км. Последний был лучший: на берегу Волги в большом и хорошем сосновом бору мы жили в небольших дачах). 28-го я попал на госпитальную комиссию и получил отпуск на 45 дней, хотя и думаю, что его продлят, так как рана, вероятно, не заживет за это время. 1 августа сел в поезд и 2-го был в Москве. В первые два дня был у всех родных и знакомых, а также в школе, дома, в райвоенкомате и райкомах ВКП(б) и ВЛКСМ. Видел Ольгу Васильевну Пулькину (учительница истории школы № 211.— Ред.), Колю Алексеева, он сейчас секретарь райкома ВЛКСМ.

Ольга Васильевна познакомила меня с последними газетами и событиями (я нерегулярно получал в госпитале центральные газеты) и предложила интересную работу — политруком в РУ. Пока я воздержался (из-за плохого состояния ноги — она очень ломит), но потом, может быть, возьмусь. Буду заходить, вдруг да и я пригожусь для чего-нибудь мне возможного.

Очень больно слышать о смерти Алеши Попова. Если еще придется встретиться с этими зверями, отомщу и за Алешу, и за Петрова (писателя, смерть которого меня очень поразила), и многих других. Боюсь за Рэма: неужели и он убит? Я просто не могу этого представить — хороший был товарищ и гражданин. Также есть подозрения и о Глебе Терентьеве — тоже сильный удар мне. Но все это дорого им, дорого станет — скоро, я думаю, они будут подставлять нашим пулям спины. Иначе я просто не представляю понятия «жизнь».

Я живу сейчас у дяди.

Пишите (обязательно).

Жду с нетерпением Вашего письма.

До скорого свидания.

Глубоко уважающий и любящий Вас

Дима».

Москва, 22 августа 1942 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Только что приехал от своего дяди, где взял несколько писем для меня. Там же я нашел и Ваше письмо.

Спешу ответить.

Живу я сейчас хорошо, у себя на квартире, в обстановке, которая напоминает мать, школу, друзей, напоминает прекрасную мирную жизнь, и хочется еще сильнее бить врага, чтобы опять вернулась хорошая, светлая, свободная жизнь.

Мучают меня болезни: рана все еще сильно болит, особенно по ночам, не дает спать. Недавно я узнал, что у меня «остеомиэлит», что означает воспаление костного мозга. В правдивости этого диагноза я убедился сегодня: при перевязке из раны был удален сравнительно большой секвестр (осколок кости), который до того (в госпитале) был частью целой кости. В общем, кость (остаток лодыжки) понемногу разваливается. Это меня нисколько не радует. Отпуск, наверное, продлят, если так будет продолжаться и дальше.

Вторая болезнь — это колит. Я подхватил его во фронтовых госпиталях, и сейчас он перешел в хроническое состояние — ничем не лечится. В госпитале я 2,5 месяца сидел на «4-м столе», то есть на сухарях, бульоне и рисе. Потом наступило некоторое затишье, которое кончилось на днях. Колит очень сильно изматывает. Становлюсь зеленый и беспомощный. Хоть плачь, да вряд ли это поможет.

Ходил в райком ВЛКСМ, Алексеев послал меня в МГК. Там я подал анкету для поступления на курсы (2 мес.) агитаторов и пропагандистов при МК ВКП(б). Лекторы замечательные: Ем. Ярославский и др. Все-таки время зря не пропадет — буду политруком в армии. Загвоздка только в том, что я «военнослужащий», но, может быть, это уладится. В МАИ меня не приняли по этой же причине.

Теперь о товарищах.

Очень печально сообщать, что погиб смертью героя Петя Сагайдачный. Это я узнал от одного художника, которому пишет письма Петина мать Мария Петровна. Он был в последнее время разведчиком («лучшим разведчиком части»,— как пишет командир полка). Как видно, погиб он в июне. Ему пробило горло и голову — смерть наступила мгновенно. Об этом писали его матери Петины товарищи. Люба Лепешкина да и все другие его и мои товарищи узнали это от меня. Люба, как говорят, очень плакала. Едва удержался от слез Жора Митрофанов, когда узнал об этом.

Люба Лепешкина уехала 20-го на лесозаготовки. Салынский взят в нестроевую часть Красной Армии. Митрофанов и Летунов все лето работали на теплоходе на канале Москва — Волга. Теперь же их тоже берут в армию, и, наверное, они попадут во флот. Ваня, так же как Глеб Терентьев, уже около двух месяцев не дает о себе знать. Они оба были на Южном фронте. Неужели и он тоже? Не хочется думать.

Володя Варюшин все еще в Челябинске. Цыганков недавно ушел в армию. Вот, кажется, и обо всех рассказал.

Привет Вашим детям, особенно тезке.

До свидания!

Большое спасибо за Вашу материнскую заботу обо мне и других.

С горячим комсомольским приветом —

Ваш Дмитрий П.».

ЛЮБА ЛЕПЕШКИНА

Москва, 10 августа 1942 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Сегодня я совершенно разбита! Разбита известием, которое получила от девочек: Нине Хахаревой сказал Дима Покаржевский (он сейчас в Москве), что Петя С. убит. И эту весть мне сообщили сегодня на уроке химии.

Дорогая Любовь Иосифовна, я не могла удержаться, чтобы не заплакать, мне, правда, неловко было, но, увы, не было сил, чтобы удержать эти слезы. Я не сдавала сегодня химии: просто не могла ничего делать, так меня парализовало это известие, так оно убило меня! Я прекрасно понимаю, что и Вы к этому холодно не отнесетесь. Любовь Иосифовна, а как не хочется верить этому известию, может быть, это не правда?! Хорошо бы! Мне надо сейчас подготовиться к химии, но я не могу. Я жду, когда придет с работы Тамара Анохина, пойду к ней, может, увижу Диму и расспрошу его как следует. Я боюсь, что не вытерплю спокойно слушать его и расплачусь. Я и сейчас плачу, когда пишу. Слезы затуманивают мне глаза, я почти не вижу, что пишу, и не соображаю. Моей целью было оповестить Вас о такой тяжелой потере. Нет, Вы не представляете, что я сейчас переживаю. До этого я все время плакала, сейчас немного успокоилась, чтобы хоть как-нибудь написать Вам письмо. Нас отправляют на трудфронт, а мальчиков на боевой — экзаменов не будет, не знаю, дадут ли аттестат.

Любовь Иосифовна, я кончаю. Больше нет буквально сил.

Я разбита, совсем разбита!!!

Крепко, крепко целую Вас.

Ваша Люба».

Москва, 21 августа 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна!

До сих пор я еще никак не очнусь от того жуткого, кошмарного состояния, в котором оказалась, узнав о смерти Пети. Я ходила к Диме и лично просила его рассказать о нем. Дима сообщил мне те сведения, которые были даны ему родственником Петра.

Оказывается, Петр убит двумя пулями: одна — в нос, другая — в горло. Он был разведчиком (причем лучшим!) и действовал на Западном фронте. Дорогая Любовь Иосифовна! Как все-таки не хочется верить, что Петя убит. Эти два слова: «смерть» и «Петя» — отталкивают друг друга, никак уж не вяжутся!

Все эти сообщения произвели на меня ужасающее впечатление: несколько дней я ходила, как ошпаренная, и после этого во мне погасло все веселое, все мне стало противно! Мне кажется — и это так и есть,— что веселость моя погасла навеки! Вы не представляете, как я изменилась. Мало того, что страшно раздраженная, но и похудела страшно! Все, кто знает меня, увидев, удивляются моему изменению.

Мысль о том, что Петя убит, не вполне доходит до моего сознания. Я стараюсь убедить себя, что это ошибка, что, может быть, и жив! Но увы! Ведь и не удивительно: в такой кровопролитной войне мало кто и уцелеет. Я очень просила Диму узнать все у того же родного Сагайдачных адрес Марии Петровны. У нее же я хочу узнать точно, в какой части, на каком направлении был Петя, и написать запрос в комиссариат, где точно получу сведения о нем. Не знаю, как на Вас, но на меня (повторяю) это известие подействовало чудовищно, подавляюще, ибо я, потеряв такого друга, как Петя, теряю всю жизнь (ту, которой хотелось бы жить), ибо когда кого-нибудь уважаешь и дружишь, то на душе так легко и весело, хочется жить, жить, жить! А теперь!.. Теперь мне все равно, мне все равно — жить или умереть! Вот до чего можно быть разочарованным!

Я кончила 10 классов, кончила неплохо, правда, аттестат нам дадут после с.-хоз. работы. Я получила Вашу открытку и прочла Ваш совет — идти в с.-хоз. академию. Любовь Иосифовна, я так и сделала, подала заявление в с.-хоз. академию на мичуринское отделение. А с 25 августа нас со школы отправляют в колхозы.

Я, между прочим, попадаю в богатый экспериментальный совхоз от с.-хоз. академии (нас, лучших учеников, туда посылают).

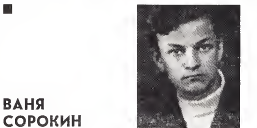
Лешу Салынского взяли на фронт. Недавно получила от Ванечки Сорокина письмо, где пишет, что вступает в партию и что много шансов к представлению его к награде.

Ну, дорогая Любовь Иосифовна, до свидания! Крепко, крепко целую.

На это письмо не отвечайте, так как пришлю Вам скоро колхозный адрес.

Крепко целую.

Люба».

ВАНЯ СОРОКИН

Действующая армия, 5 октября 1942 года.

«Здравствуйте, дорогой и любимый наш преподаватель Любовь Иосифовна!

Прошло много времени, как я Вам писал... Произошел перерыв в нашей переписке, виной тому все я. Правда, для меня было очень трудно не иметь связи с Вами, наш любимый воспитатель и преподаватель.

Вот уже год, как течет моя боевая фронтовая жизнь. За это время я сильно изменился, произошло много перемен в моем характере, не знаю, правда, в какую сторону, в хорошую или в плохую.

Жизнь моя идет хорошо, бить немца мне уже не впервые, вошло в привычку. Боевых эпизодов много порассказать можно, но хвалиться не буду.

В августе меня приняли кандидатом в члены ВКП(б), два раза подавали мою боевую характеристику на правительственную награду. Но еще указов и приказов я не видел.

Но не в этом дело.

Сейчас надо неустанно, день и ночь истреблять эту мразь,— пьяную, обнаглевшую, которая посягает на нашу священную Родину.

Часто получаю письма от Оли Лукьяновой, она жила в Уфе, кончила среднюю школу с аттестатом отличницы. А сейчас, наверное, учится в Ташкенте, в институте инженеров связи — это московский институт, который находится там.

Знаете, Любовь Иосифовна, замечательный друг и товарищ она.

Я долго буду вспоминать нашу совместную работу в школе. Замечательное и невозвратимое время прошло и больше никогда не придет. А как жалко, Любовь Иосифовна, что я не успел кончить школу.

И все из-за себя. Все мои друзья ее кончили. А сейчас часть работает в колхозе, как, например, Люба Лепешкина. Трудный она момент пережила: смерть отца и смерть любимого друга и товарища Петра Сагайдачного. Хороший и веселый друг и товарищ был он.

Когда я узнал о его героической смерти, то у меня предела ненависти не было. И в этот день мы уничтожили столько немцев, что они после этого боя два дня не делали ни одной атаки, подтягивали резервы. И когда убьешь немца, то обязательно подумаешь, что это вам, проклятые гады, за смерть моего друга Петра Сагайдачного. И я Вас уверяю, Любовь Иосифовна, что за его смерть я буду платить до тех пор, пока смогу держать свой автомат, а когда этой возможности не будет, то гранатой и зубами буду истреблять эту мразь.

Получил письмо от Димы Покаржевского, который Вам, наверное, писал, и о его жизни Вы знаете, так что я буду умалчивать.

Ну, а насчет переписки с Ниной Хахаревой Вы знаете, а если нет, то можете заключить из следующего, что каждую неделю получаю письмо или открытку.

А пока и писать не знаю что. Да и уж некогда. Получать приказ надо.

Пишите, дорогая и любимая Любовь Иосифовна! После того как выполню приказание, напишу, а пока до свидания, а может быть, это и последнее письмо.

Крепко целую!

Ваня.

P. S. Вы, Любовь Иосифовна, не обижайтесь на предпоследнюю строчку, а особенно на поцелуй, но это искренне и откровенно! Соскучился я по Вас очень!»

ВОЛОДЯ ЦЫГАНКОВ

Действующая армия, 5 сентября 1942 года.

«Мой горячий привет дорогой Любови Иосифовне! В самые трудные моменты я всегда вспоминаю Вас, и эти воспоминания вселяют в меня бодрость и необходимую в эти минуты стойкость.

Вот сейчас, Любовь Иосифовна, я сижу под обстрелом вражеской авиации и, несмотря на это, пишу Вам письмо, чувствуя в себе спокойствие и хладнокровие.

Я плюнул на бомбежку, которая мне надоела еще в тылу, и принялся писать письма, пока у меня есть еще свободное время. Любовь Иосифовна! События в моей жизни развертываются очень быстро: проучившись в военном училище около двух месяцев, я попал в Действующую армию, сразу же на фронт. Наше училище было расформировано, и всех курсантов простыми красноармейцами направили на защиту Родины или, короче говоря, на неизбежную после мирной учебы боевую практику. Я зачислен в роту связи при стрелковом полку, в той самой дивизии, которая прославилась прошлой зимой как освободительница г. Тихвина. Буду работать связистом.

Сейчас нахожусь километрах в пяти от передовой линии, готовлюсь к бою. Может быть, сегодня ночью мне придется выполнять боевую задачу. Сам я сейчас вполне спокоен и даже немного беспокоюсь по поводу своего спокойствия: уж очень оно большое, похоже на то, будто я жду чего-то неизбежного и неизменного.

Ну, все. Крепко жму Вашу руку.

В. Цыганков».

Углич, госпиталь, 14 октября 1942 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна!

Я уже давно не писал Вам и сейчас постараюсь объяснить, почему это произошло, а Вы, конечно, закончив читать это письмо, простите мне мое полуторамесячное молчание.

В последний раз я посылал на Ваше имя открытку от 5 сентября. Это был день, когда часть, где находился я, пошла в свой последний переход, завершающий наше далекое и долгое путешествие. Мы шли на передовую линию; мы шли темной ночью туда, где грохотала канонада и раздавался вой вражеских пикировщиков, мы шли в район Синявино. Вы, конечно, слыхали о боях в этом районе. Печать недавно сообщила об их результатах. Когда я вернусь домой, я сообщу Вам, Любовь Иосифовна, многочисленные подробности к тому, что Вы знаете об этом, а пока я буду говорить Вам о том, что случилось с одним из свидетелей этих боев — молодым и неопытным бойцом Володькой Цыганковым. Он работал связистом, сидел у телефона, бегал чинить порванные линии, исполняя поручения командиров. Он впервые узнал, что представляет собой немецкая армия и каковы ее приемы войны, ему пришлось с трудом привыкать к крови и убитым. На десятый день своего пребывания на фронте он был ранен автоматчиком в левую руку и вскоре был переведен в г. Углич на лечение. Отсюда он и шлет Вам в заключение своего письма теплый привет и лучшие пожелания.

В. Цыганков».

Углич, госпиталь, 21 ноября 1942 года.

«А-а! Любовь Иосифовна! Вот радость-то! Здравствуйте, здравствуйте, Любовь Иосифовна. Вот ведь счастье-то какое — и не ожидал совсем. Ах, если бы Вы только знали, какое удовольствие, прямо-таки наслаждение доставляет мне хоть самая короткая встреча с Вами. Вот и сейчас мое сердце радостно прыгает, а сам я нахожусь в каком-то упоении.

Знаете, Любовь Иосифовна, я Вам прямо скажу: Вы для меня все равно что мать, бог, солнце...— все, что хотите... Вы не верите? Уверяю Вас, что это именно так. Неужели Вы не видите, как я счастлив при встрече с Вами и как грустит мое лицо, когда я Вас долго не вижу.

Вы спрашиваете меня, что со мной было в последнее время и что происходит сейчас. Вы просите рассказать об этом подробнее, но это, дорогая Любовь Иосифовна, к сожалению, я сделать сейчас не могу: тороплюсь. Дело в том, что я теперь спешу на вокзал, еду в Поволжье, куда меня направили из госпиталя в батальон выздоравливающих. Вам, может быть, по пути? Вот хорошо! Пойдемте, Любовь Иосифовна, и поговорим на прощание, как полагается добрым друзьям.

Да.., большая заваруха разыгралась сейчас. И сколько всего забрала она уже в свои лапы! Сколько молодых цветущих жизней погублено! Прямо беда! И что будет дальше, черт его знает. Одно только видно: выдыхается немец, сил у него больше нет прежних, ослаб дьявол.

А все-таки жуть, страшно становится, как подумаешь, что он наделал, гад, и что еще может сделать. Видел я следы его людоедской работы, насмотрелся достаточно. И сказать Вам, Любовь Иосифовна, смотря на все это, чувствуешь в груди у себя только злобу и ненависть. И себя не жалко в эту минуту. Бывало, простишься с товарищем, а через пять минут слышишь, что убило его. Только зубы стиснешь после этого и еще больше возненавидишь мерзавцев.

Ранило меня... Иду это я часа в три дня чинить порванную линию, ищу порыв, и вдруг как ударит что-то в руку. Только пальцы дрогнули. Выстрела-то я и не заметил. Привык уже к ним. Сел на землю, замотал рану кое-как и в санчасть. Перевязали мне руку, посочувствовали и направили в тыл, а там лазарет, санпоезд. Поправился я и снова еду обратно туда, где должен быть.

Ну, прощайте, Любовь Иосифовна, будьте здоровы. Желаю Вам всяческих успехов, вспоминайте обо мне. Мне пора, я побегу.

. . . .

Вас неприятно удивит столь не подходящий для нашего времени стиль моего письма. Моя манера писать целиком зависит от моего настроения: если я весел, я пишу письма, подобные этому; когда же меня одолевает тоска, мои письма мрачны, как ночь в непогоду. Сейчас мне почему-то страшно весело. Я вспомнил старину, шутливые беседы с друзьями, и мне вдруг захотелось так же, как и раньше, пошутить и посмеяться. Я знал, что Вы не откажете мне в этом.

Любовь Иосифовна, я снова возвращаюсь на фронт. Я не знаю, что со мной будет, но я спокоен за себя и за свое прошлое. Только два случая в моей жизни смущают меня. Из-за какого-то пустяка, которого я сейчас даже не помню, я потерял своего лучшего друга Рэмку Октябрьского. Он был моей второй душой, мы понимали друг друга с полуслова. И вот нелепый случай, дурацкая гордость оборвала нашу прежнюю дружбу. Я глубоко раскаиваюсь в этом и никогда не прощу себе такой глупости.

Так же глупо я потерял и другое сокровище, притягивающее меня к себе, как магнит железо. Я имею в виду одну девушку, с которой у меня были странные отношения. Да, Шура была славная девушка, а я был тогда большой, большой дурак.

Простите мне, Любовь Иосифовна, мою откровенность: Вы мой друг, и я Вам вполне доверяю. Прощайте.

Ваш В. Цыганков.

P. S. Отвечать по этому адресу не надо».

Поволжье, 1 января 1943 года.

«Здравствуйте, Любовь Иосифовна!

Поздравляю Вас с наступившим Новым годом, который, несомненно, и Вам и мне принесет много радостей! Как Вы встретили его? Мне не удалось встретить его приход, и последний вечер 1942 года был для меня обычным зимним вечером.

...Я нахожусь сейчас в запасной части. Когда мы вновь поедем на фронт, неизвестно. Здесь, в части, я впервые по-настоящему стал выполнять общественную работу: мне пришлось одно время быть замполитруком, комсоргом роты. Сейчас я выпускаю стенные газеты, работаю также комсоргом, изучаю военное дело. В общем, пока все в порядке. При части имеется хороший клуб, где каждый день показывается кино или бывает концерт. Есть много газет и другой литературы, можно послушать радио. Особенно нравится мне утренняя зарядка и ходьба на лыжах. Вот прелесть-то! Выскочишь утром на свежий воздух в одной гимнастерке, сон мигом улетает, и чувствуешь, как бодрость и энергия вливаются тебе в тело!

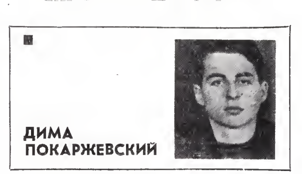
Любовь Иосифовна! Вы мне обязательно должны написать сюда ответ. Только здесь Ваше письмо имеет возможность застать меня, и нигде больше: там начнутся частые переезды, перемена местонахождения. Я прошу Вас по получении этого письма сейчас же откликнуться на него и написать мне обо всем, что Вы имеете в виду написать. За это я отблагодарю Вас множеством корреспонденций и частыми воспоминаниями о Вас. Напишите, пожалуйста, что-нибудь о ребятах, о В. Варюшине. Неужели он все еще находится в тылу? Если так, то он обязательно побьет рекорд в этом виде спорта.

Дорогая Л. И.! Я здесь еще не получил ни одного письма, мне ничего не известно о том, как живут мои старые товарищи, что они сейчас делают. Только одна Вы можете сообщить мне что-нибудь о них. Так сделайте же это!

Ну, и, конечно, в первую очередь напишите о себе и своей творческой и полезной работе. Обязательно!

До свидания, Любовь Иосифовна, посылаю Вам и всем, знающим меня, свой горячий красноармейский привет.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!»

ДИМА ПОКАРЖЕВСКИЙ

Москва, 14 сентября 1942 года.

«Милая Любовь Иосифовна!

Долго ждал Вашего письма и, наконец, получил. Только что пришел с занятий (сейчас 10.30 вечера) и прочитал письмо.

Во-первых, напишу Вам о Любе. Вы в письме к Нине (как она мне сказала) ругали нас за то, что мы несерьезно подошли к отношениям Любы к Пете. Я узнал первый о его гибели и сказал всем другим. Но я, несмотря на свою «прозорливость», никогда не замечал этих отношений. Я просто не знал этого и поспешил сообщить эту печальную новость. Только потом, когда меня засыпали вопросами, когда я увидел, как перенесла это сообщение Люба, я понял, наконец, свое неосторожное поведение в этом случае.

...Любовь Иосифовна!

В предыдущем письме я подписался «Дмитрий», совсем не думая о том, как это надо понимать. Просто машинально подмахнул. Сейчас я, наоборот, хочу казаться еще маленьким — ведь так быстро бежит время, мне скоро уже будет 20 лет — совсем старик. Так

что меня только прельщает и трогает Ваше обращение со мной.

...Несмотря на войну, несмотря на все тяжести, которые нам приходится переносить, хочется иметь любимую девушку, человека, с которым можно было бы все разделить: радости и горести... Я могу говорить о жизни и с матерью и с Вами, но все же это не то, чего-то недостает (конечно, Вы не обижайтесь). И, лежа в госпитале, я часто думал об этом... Мне и сейчас хочется найти и полюбить такую девушку, которая была бы до конца предана Родине... И в то же время была бы красивой и умной. Но сейчас совершенно нет времени заниматься такими «важными» вопросами, только иногда, минутами я думаю об этом...

Что же я сейчас делаю? Вот уже больше недели, как я посещаю занятия парткурсов при МК и МГК ВКП(б) и очень доволен. Прорабатываем историю партии, географию: и физическую, и экономическую, и политическую. По этим предметам идут классные занятия и лекции. По остальным — только лекции. «Остальные» — это международные отношения, Великая Отечественная война (2 цикла лекций — два преподавателя), агитация и пропаганда в дни войны и т. д. и т. п. В общем много всего. Встаю рано, ложусь поздно. Дома бываю мало. Мне довольно легко учиться, так как в основном я только повторяю недавно пройденное.

Меня выбрали в редакцию стенгазеты. Завтра буду корпеть над заголовками. Теперь я хожу уже без палки, так как трудно ходить с портфелем и с палкой, особенно в трамвае плохо. Но нога еще болит. С утра я почти не хромаю, а вечером еле добираюсь домой. Рана заросла, но остался свищ. Поэтому мне продлили отпуск еще на 45 дней, до 29 октября.

Ни от Эрма, ни от Глеба ничего нет. Никаких известий. Нина Хахарева с девочками теперь редко меня навещают, так же, как и я их. Мне просто некогда, и я не могу собраться к ним. Может быть, придут завтра: они обе выходные, да и я буду дома. А то будет скучно: ведь завтра занятий нет.

У нас в Москве уже настоящая осень: дожди, деревья пожелтели, стало холодно. Жаль, что лето ушло. Опять зимой воевать придется. Трудно, ну да ничего, зато следующее лето будет хорошим, свободным, веселым.

Пока, всего хорошего.

Пишите.

Привет Вашим детишкам, особенно тезке.

С комсомольским приветом — Ваш Дима».

Москва, 18 декабря 1942 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Я опять в армии — правда, не в полном смысле, но «в армии». Комиссия признала меня годным к нестроевой службе в тылу с переосвидетельствованием через 6 месяцев. 15-го я явился в свой военно-пересыльный пункт и был оставлен там как писарь на время проведения инвентаризации. Не знаю, что будет после окончания ее, то есть после «Нового года». Просился я в строевую часть, но не берут, так как рана открыта и остеомиелит очень много уже сделал вреда. Боюсь, что сделает еще больше.

Вчера и сегодня по служебным делам катался по городу. Сейчас сижу в Кунцеве, куда тоже был послан начальством. Все, касающееся дел, выяснил, а теперь жду поезда.

Ну, до свидания. Привет всем знакомым и Вашим ребяткам.

Красноармеец Дима. Пишите пока домой».

Москва, 7 февраля 1943 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Давно уже получил от Вас открытку, но никак не мог собраться ответить. Я уже на новой работе. Не в армии, а на работе. Ровно месяц пробыл в пересыльном пункте, откуда меня откомандировали в горвоенкомат, где, как нестроевого, меня направили на политработу на один из московских заводов. Ездить очень далеко приходится — на другой конец Москвы. Обещают, правда, перевести поближе к дому, но, как видно, только обещают. Перевести же необходимо, так как иногда, когда нет трамвая, приходится проделывать длинный путь от метро до завода.

Как Вам нравится наше наступление? Здорово их гонят! Сегодня Азов и Краматорск взяли. Если такими темпами дальше будет идти наступление, то к лету можно ждать хороших результатов.

Ну, пока всего хорошего! Привет Вашим ребяткам.

С приветом — Дима».

. . . .

«...В Москву на несколько дней приезжал (кто бы Вы думали?) Леня Анисимов! Он был на Сталинградском фронте, в январе был ранен, а из госпиталя попал в Москву... Теперь он опять уехал в часть.

Ванюшиного адреса я до сих пор не знаю, потому что Нина ко мне не заходит, а я, когда заходил к ней, не заставал дома.

Думаю опять идти добровольцем в армию, надоело здесь.

Ну, всего Вам хорошего. Жду в Москве. Привет Диме и Гале.

С комсомольским приветом — Дима».

ЛЮБА ЛЕПЕШКИНА

Московская область, сентябрь 1942 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Сегодня получила я Ваше письмо, которое переслали мне из Москвы. Сейчас я нахожусь в совхозе, на экспериментальной базе «Вельяминово». Сверх наших ожиданий, приняли нас весьма и весьма негостеприимно. Первое время я страшно перебивалась, особенно с хлебом, так как ввоз его запаздывал на 1—2 дня. Сейчас дело несколько улучшилось: стали давать картофель и редко, правда, молоко. Но зато работать приходится не покладая рук: с 7 утра до 7 вечера, из них 2 часа на обед. Сегодня я работала с 4 утра на молотьбе, зато окончила в час дня. Любовь Иосифовна, я не припомню больше ни одной работы труднее молотьбы! Я думала, что не выживу: пыль столбом, все закладывает — и нос, и рот, и уши. А тяжело как выдирать горох! О! Это прямо ад кромешный! И вот сейчас, в часы отдыха, я Вам пишу письмо.

Дорогая Любовь Иосифовна, как Вы прекрасно понимаете людей, хотя и не так Вы стары! Вы чуд-

но написали письмо, мне неловко было, но я плакала (уж сотый раз, наверное!), перечитывая Ваше письмо...

Скучаю я, плачу втихомолку, особенно когда вспомню о папе или Пете. Писать мне совершенно некогда. Только сегодня уж так повезло мне, поэтому хочу я всем, кого знаю, написать по нескольку строк. Мама мне уже ответила, пишет, что плохо насчет питания, вот что меня больше всего волнует! А помочь ничем не могу. Говорят, что дадут нам на карточки круп, тогда, конечно, свезу в Москву.

На этом кончаю писать. Крепко, крепко целую Вас, дорогая Любовь Иосифовна!

Ваша Люба.

Ванечка Сорокин мне написал перед отъездом. Он пишет: жив и здоров. Я ему ответила, он находится на Южном фронте».

Москва, 25 октября 1942 года.

«Милая и дорогая Любовь Иосифовна!

Я теперь уже почти месяц учусь в Тимирязевской академии, на агрономическом факультете. Дорогая Любовь Иосифовна, я никак не ожидала, что так будет интересно в с.-хоз. вузе! У нас чудные химические и физические лаборатории, своя ферма, где мы будем работать, много-много всяких приборов и аппаратуры. В общем, мне очень понравилось! Я рада за себя! Ибо после смерти Пети во мне пропал, можно сказать, всякий интерес к жизни. Я была совсем «вареной». А теперь? Теперь во мне просветился огонек жизни, мне захотелось и работать и учиться.

Я получила ответ от Марии Петровны. Очень чутко, по-матерински отнеслась ко мне Мария Петровна. Я не ожидала такого подхода. Она подробно описала мне смерть Пети. Он убит был в апреле на Западном фронте. Был командиром разведывательного отряда, дважды был представлен к награде. Мария Петровна спрашивала Ваш адрес — я написала.

Дорогая Любовь Иосифовна, почаще пишите мне.

Крепко, крепко целую.

Люба Лепешкина».

Москва, 18 января 1943 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна!

Как обрадовалась я Вашей открытке! Ведь я от Вас не получала писем около трех месяцев, очень волновалась, посылая открытку за открыткой. Я узнавала о Вас у Марии Петровны, но ничего определенного не узнала, а поэтому просто не знала, что и подумать. И вот, наконец, от Вас открытка — какое счастье! Я хоть теперь буду знать, что Вы находитесь все там же.

Недавно получила письмо от Ванечки Сорокина. Он находится в Челябинской области, учится там на танкиста. Остальных ребят никого не вижу, так как приходится очень поздно приезжать из академии. А с 1 февраля начинается экзаменационная сессия, очень волнуюсь (как всегда перед испытаниями!), но думаю, что сдам и выйду не на последнее место. Пишет Оля Лукьянова, она работает в Ташкенте.

Крепко целую Вас, дорогая Любовь Иосифовна!

Привет Вам от мамы.

Поздравляю с наступившим Новым годом и желаю самого наилучшего. Еще поздравляю с успехами наших войск на фронте.

Ваша Люба».

ВОЛОДЯ ЦЫГАНКОВ

Действующая армия, 22 мая 1943 года.

«Здравствуйте, дорогая Л. И.! Вашу открытку от 30 апреля я благополучно получил, спешу ответить Вам и передать в письме свою признательность и благодарность. Я очень рад, что Вы по-прежнему здоровы и бодры и что, находясь так далеко от меня, Вы не забываете меня и делаете все возможное, чтобы украсить мою однообразную военную жизнь.

Уже третий месяц я нахожусь на фронте и вместе с другими бойцами охраняю свои рубежи. На нашем участке сейчас спокойно: немцы, чувствуя свою слабость, не пытаются наступать, а наши артиллеристы и минометчики каждый день шлют им щедрые подарки. Три дня назад по немецким блиндажам и землянкам, находящимся напротив нас, дали залп наши гвардейские минометы. Что у них творилось — трудно описать. Я видел перед собой сплошной огонь и пламя и чувствовал радость и удовлетворение.

Вы сообщили мне о многих моих товарищах, но почему я ничего не слышу о Рэме Октябрьском? Неужели Вам не пишут из Москвы о его судьбе? Это меня порой гнетет и беспокоит.

Дорогая Л. И.! Вы мне написали только о некоторых моих друзьях, но я бы очень хотел немного узнать обо всех, кто учился со мной в Вашем классе. Я прошу как-нибудь узнать (через Москву или еще как-нибудь) об остальных и потом написать мне об этом. Я буду ждать от Вас таких известий в течение всего времени, пока буду находиться в армии. Сделайте это, пожалуйста.

Я только что вспомнил, что это письмо уже мой второй ответ на Вашу открытку: первое я послал раньше. (В этом письме Володя сообщил Л. И. Розиной, что принят кандидатом в члены ВКП(б).— Ред.).

До свидания. В. Цыганков».

Действующая армия, 10 июня 1943 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна! Шлю Вам свой пламенный фронтовой привет и снабжаю его горючим только до Москвы, где, я надеюсь, Вы и встретите его.

Моя часть сейчас стоит в обороне, немцы не выползают из своих траншей, наверняка зная всю бессмысленность и безуспешность своих попыток наступать. Сейчас стоит ясное солнечное утро. Я сижу у двери блиндажа, и прямо на меня светит солнышко. Все тихо кругом, но тишина эта непрочна. Скоро снова заговорят с обеих сторон орудия и минометы, и снова наступит «фронтовая тишина».

Такие дни, как сегодня, всегда вызывают в моей памяти былое. Я вспоминаю, как раньше, вот в такой же теплый и ласковый день, я выходил на улицу и думал, куда пойти, где лучше развлечься и провести такой хороший денек. Я намечал или стадион, или парк, или прогулку за город с купанием и от-

дыхом. Собственно говоря, отдыхать мне было не от чего: вся моя прежняя жизнь была сплошным отдыхом. Я никогда раньше не думал о сне: ложась спать, я думал о том, чтобы скорее наступило утро и вместе с ним новые развлечения и радости.

...Скоро наступят решающие бои. Со дня на день можно ожидать начала событий, которые прольют свет на исход всей войны. Весь народ готовится к этому. Красная Армия ждет только приказа для окончательного наступления на врага. Я обещаю Вам, что мой миномет не подкачает в грядущей борьбе. Для этого я непрестанно учусь метко разить врага, учу своих бойцов минометному делу. Победа придет к нам в борьбе, и, хотя многие не вернутся домой, наша Родина будет снова свободной, счастливой и богатой страной. Вы будете свидетелем этого, Любовь Иосифовна, обязательно будете!

На этом кончаю, прощайте.

С приветом — Ваш В. Цыганков».

Действующая армия, 4 июля 1943 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Я по-прежнему нахожусь на фронте, чувствую себя хорошо и ни в чем не нуждаюсь. Сейчас после пятидневной пасмурной и дождливой погоды впервые выглянуло приветливое солнышко. Оно такое же, каким было и раньше, в мирное время. Только земля израненa вокруг, да люди чувствуют себя несвободно. Я часто и очень много думаю о прошлом, вспоминаю своих товарищей, с которыми проводил вечера. Они все сейчас на фронте. Мы начинаем связываться друг с другом: я уже послал им письма.

Меня спрашивают бойцы, кому я пишу так часто письма, уж не любимой ли своей и люблю ли я сейчас кого-нибудь. После таких вопросов я, немного подумав, отвечаю: «Нет, что вы! Пишу я не девушке, а матери да своим старым друзьям. А люблю я сейчас больше всего на свете свой автомат да пару гранат. И любовь эта самая верная, до гроба». Мои ранние увлечения были поверхностны, и порой из-за своей крайней застенчивости я попадал в смешное положение. Теперь мне понятно, что все это было слишком романтично и ложно, и потому вот уже тринадцать месяцев я не написал письма ни одной девушке. До свидания, Любовь Иосифовна, крепко жму Вашу руку! Еще раз шлю свой привет.

Ваш Цыганков».

Действующая армия, 30 июля 1943 года.

«Привет дорогой Любови Иосифовне!

Я сейчас нахожусь в полном порядке, мое здоровье не просит помощи и лечения, а мой дух крепок и силен. Я временно отдыхаю в полутора десятках километров от фронта. Живу в лесу, среди зелени, прохлады и цветов. Наслаждаюсь прелестями лета, занимаюсь, дежурю, читаю, пишу и т. д. Дни проходят быстро, не успеешь как следует осмотреться после сна, как снова отбой и ночь.

Пожалуй, все сейчас обстоит хорошо, за исключением очень недостаточной корреспонденции моих друзей и знакомых. Я мало получаю писем, а из Серова мне нет уже вестей больше месяца. Почему это так — неизвестно.

Дорогая Л. И.! Пишите мне побольше: Вы, кажется, собирались уже давно написать мне большущее письмо, а его до сих пор нет. Я жду-жду и никак не могу дождаться. Позавчера мне исполнилось 20 лет. Я уже прожил два дня 21-го года своей жизни. Удастся ли мне прожить этот год, сказать, конечно, очень трудно, да и не стоит над этим задумываться, а надо жить, пока живется. До скорого свидания, Л. И., шлю Вам еще раз привет и пожелания хорошей, спокойной жизни.

В. Цыганков».

ВАНЯ СОРОКИН

Действующая армия, 3 июля 1943 года.

«Здравствуйте, дорогой друг и незабываемый учитель Любовь Иосифовна!

Ответ от Вас не получил, но считаю своим долгом написать Вам еще письмо, в котором отблагодарить Вас за ту заботливость о нас, за то внимание и за те знания, которые Вы своим кропотливым трудом и кипучей энергией давали нам.

Я прекрасно помню те беседы со мной, то внимание, которое Вы уделяли мне, как Вы учили меня настоящей жизни... И вот сейчас, когда я прошел и прохожу суровую школу жизни здесь, я узнал настоящую цену ей.

Фронт научил меня — делай, что задумал сегодня, не откладывай на завтра, будь решительным в своем поведении и стойким: сказал — сделай!

Я сейчас очень жалею об упущенном в школе. Ну что сейчас можно сделать? Ничего! Но придет время, когда я возьму свое! Я думаю, что придет то время, когда Вы снова приедете в Москву. Когда многие Ваши ученики и воспитанники встретятся с Вами, Вы их не узнаете. Все они станут взрослыми, самостоятельными, многие будут кончать высшие учебные заведения. Многие будут командирами Красной Армии, и много, много будет специальностей у Ваших воспитанников. Вы будете рады за своих учеников, а они будут гордиться Вами, что Вы их направили на ту самостоятельную дорогу, по которой они идут уверенно и гордо, ибо они получили отличные знания средней школы. Фундамент был заложен прочно, и его никакая сила не разобьет. И все это благодаря Вам, как нашему самому лучшему и заботливому учителю и воспитателю, другу и товарищу! Я сейчас даже теряюсь, чем отблагодарить Вас за это. Но я Вам одно скажу, что Ваш ученик и воспитанник Вас не подведет, что в предстоящих боях будет драться, как он дрался под Москвой, под Харьковом, под Великими Луками, на Дону и в других местах с одной мыслью: беспощадно громить эту гадину без жалости. Разрешите на этом кончить, ибо времени у меня очень мало, только пару слов о своей жизни. Живу я хорошо, унывать мало приходится, потому что работы хватает. Экипаж у нас хороший: ребята дружные, веселые.

Пишите Вы о своей жизни, что знаете нового о наших ребятах, в общем, пишите все. Прошу передать горячий привет своим детям и ученикам. Мой фронтовой танкистский привет! До скорой встречи.

С приветом — Ваня».

ЛЮБА
ЛЕПЕШКИНА

Москва, 24 апреля 1943 года.

«Милая Любовь Иосифовиа!

Сегодия я получила сразу два письма: Ваше и от Жоржа с Валей.

Вы ие представляете, как удивило и в то же время обрадовало меня их письмо. Ведь уже больше года, как я от иих иичего не слышу. И вдруг — письмо! Оии находятся сейчас во флоте (Балтийском). Очень жалеют, что иет с иими Петн, который фактически привил им любовь к морскому делу. Совсем иедавио я получила письмо от Марии Петровны с Петииой фотографией: мие ои очень поиравился здесь, ио только уж очеиь ои печальиый. В его глазах столько иаписаио грусти, кажется, что ои предчувствовал свою гибель.

Я учусь пока, коичим в июие, а в июле — иа практику.

Никого я почти не вижу и редко от кого получаю письма.

Очень скучаю я, Любовь Иосифовна! Надо миой девочки смеются, что я от жизии отстаю: ие гуляю, а мие не до того, что-то мучает меня — сама ие знаю что. А пока живу надеждой, что скоро встретнмся мы все вместе и обо всем переговорим.

«Любовь Иосифовиа, дорогая!

Крепко-крепко целую Вас.

Ваша Люба».

Москва, 7 июня 1943 года.

«Любовь Иосифовиа, дорогая!

Вчера получила Вашу открытку и спешу на нее ответить.

У меия, как и у Вас, начались испытания. Я уже сдала два предмета на «отл.», еще остались три. Не так давно приехала в Москву Марня Петровна. Я у нее уже была. Какая славная жеищина! Она рассказала мие о Пете подробно, кстати, пришел Юра Федоренко, он вместе с Петей был н подробио все рассказал. (Ю. Федоренко — друг детства Пети Сагайдачного и его одиополчаини.— Ред.). Я прочитала несколько писем Петиных, полных патриотизма и тепла. Я жду не дождусь, когда Вы приедете, вот тогда-то мы поговорим обо всем.

Я писала, наверное, Вам, что мие прислали письма Кот с Валей, которые сейчас служат во флоте (Балтийском). Очень сожалеют, что иет с ними третьего товарища — Пети. Теперь их отписали па корабли, н пока пичего о них пе слышно. Больше писем я пока пн от кого пе получаю и пикого пе вижу.

Простите за такое короткое ппсьмо, ио я закончу иа этом, сейчас уже 12 часов почп, и глаза мои слипаются (я очень устала за день в связи с работой иа огородах).

Крепко, крепко целую Вас.

Люба.

Скорее приезжайте!»

ВОЛОДЯ
ВАРЮШИН

Челябинск, 2 июня 1943 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовиа!

Сегодия получил Вашу открытку, я иикак ие думал, что Вы все еще в Серове, однако Вы, кажется, так же как и я, застрялн на Урале.

Живу я все по-старому, иового ннчего иет. Дия четыре тому назад летал. Взлетели нормальио, стали иа цель заходить — только вышли иа боевой курс, как с боку иа нас самолет «юзом» летит. Что такое? Ну, мы, конечио, разворот — и в сторону. Заходим второй раз, и снова этот самолет («У-2») нас «атакует». Посмотрел я на иего повнимательиее, вижу — из его кабины двое отчаяиио машут руками и показывают иа наши шасси (колеса со всеми стойками и осями). Я посмотрел в прицел иа свое шасси н... увидел: правая нога сломаиа. Вот это, думаю, да... На что же мы теперь садиться будем?

Докладываю об этом летчику (ему самому ие видно), ои говорит: «Посмотри еще раз хорошеиько». Что ж, думаю, посмотреть-то я посмотрю, да иовая-то иога не вырастет. «Ну,— говорнт,— шеи себе сломаем». Прилетаем иа аэродром, а иам посадку ие дают. Старт стали перекладывать, чтоб мы в стоящие на земле самолеты не врезались. Пока перекладывали, мы прощальиые виражи над школой закладывалн. Смотрю я иа землю и вижу: в клубах пыли спешат иа аэродром карета «Скорой помощи» и пожариая машина. Народу — вся школа высыпала, и все руками машут, волиуются за нас, а особенио футбольная комаида, которая, увидев самолет, определила, что иа нем сидит ее вратарь, и рукой им прощальиые приветствия посылает.

Пошли иа посадку. Парашют я свой засуиул под сиденье, привязался покрепче, очкн — на лоб, чтобы, если при посадке стукнешься, глаза ие порезать, и жду. Чувствую, машина стукиулась о землю, затем через несколько секунд (1—2) иаклонилась на правый борт, крылом — о землю, и разворот на 180 градусов. Крыло сломалось, шасси совсем меиять пришлось, а я и летчик ие получнли ни одной царапины! Как говорится, «машнна — в дым, экипаж иевредим!».

Вы спрашиваете, какие у меня перспективы... Увы, только одиа, да и от той я бы с удовольствием избавился: 1944 год мие придется встречать здесь же, как это нн печальио. (В. Варюшип был оставлен штурманом-инструктором при авиашколе.— Ред.).

...Пока всего хорошего! До свидапия!

С приветом — Владпмир».

ДИМА ПОКАРЖЕВСКИЙ

Москва, 3 октября 1943 года.

«Дорогая Любовь Иосифовна!

Совсем мы забыли друг друга. Ведь прошло уже несколько месяцев после последнего моего письма. Ответа я не получил, а писать было некогда. За это время накопилась масса новостей.

Я уже не работаю. Теперь я студент самолетостроительного факультета МАИ. С работы меня освободили довольно легко, дали 10 дней отпуска, и с 1-го я учусь. До сих пор я в это не верю: боюсь, что опять что-нибудь помешает учебе.

Со мной на первом курсе учатся Тамара Скробук и Сергей Трифонов. Тамара давно уже в Москве, она работала на заводе, а теперь тоже ушла. В Москву приехала Мила Виктурина, я ее еще не видел, на днях думаю зайти. Приезжал на несколько дней Ваня Сорокин, он опять был ранен и на 10 дней получил отпуск. Воюет он на Западном фронте.

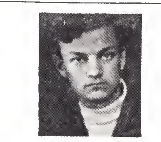
Ну, а когда же Вы приедете в Москву? Или до победы решили остаться в Серове? Очень хотелось бы увидеть Вас, о многом поговорить. Как Ваши ребятки? Где и как они проводили лето?

Пишите мне.

Всего хорошего! С приветом — Дима.

Привет тезке и Гале.

Скоро приедет мой отец».

ВАНЯ СОРОКИН

Действующая армия, 5 октября 1943 года.

«Здравствуйте, дорогая Любовь Иосифовна!

Получил Вашу открытку, и, откровенно говоря, я не знаю и не нахожу слов, чтобы отблагодарить Вас за Ваше внимание и заботу. Ту открытку, которую Вы писали в Москву, я читал в Москве. Как ни странно, но это так. Я писал Вам из Москвы, но не знаю, получили Вы ее или нет?

После ранения (я был ранен в одном бою в правую лопатку) я, раненный, был несколько раз в атаке. Рана небольшая, но серьезная. Она до сих пор еще не зажила. Правую руку высоко поднять не могу. Осколок остался там. Операцию не делают, ибо достать его трудно, но врачи говорят, что все пройдет и будет все в полном порядке. Ранен был 21 августа, получил отпуск в Москву. Видел многих своих старых школьных друзей, но все девочки. Ребят почти нет никого, если не считать Дм. Покаржевского. Время провел хорошо, а главное, повидал родных. Вот, пожалуй, и все новости. Получил орден Отечественной войны II степени и за отличное знание танкового дела нагрудный знак «Отличный танкист» и гвардейский значок «Гвардия». Вот и все мои успехи в области военного дела. Они очень незначительны и малы, если сравнивать с успехами других.

А сейчас готовимся сразиться еще раз с ненавистным врагом.

Приняли меня в члены ВКП(б), но партбилета получить никак не могу, он будет получен в скором времени.

На этом кончаю.

Горячий привет Вашим детишкам и ребятам, которых воспитываете.

Крепко, крепко жму Вашу руку!

С приветом — Ваня».

ЛЮБА ЛЕПЕШКИНА

Москва, 10 марта 1947 года.

«Любовь Иосифовна, дорогая, здравствуйте!

Мне страшно неловко перед Вами за мое глубокое молчание, что до сих пор я никаких «признаков жизни» не подавала, но тем не менее я жива, здорова и продолжаю учиться! Милая Любовь Иосифовна! Я не хочу оправдываться перед Вами, но скажу, что действительно так складываются обстоятельства, что не имеешь свободного времени хотя бы посетить Вас, маму Пети и многих своих подруг. А теперь тем более я загружена «по уши», так как учусь уже последний год, а поэтому нужно готовиться к дипломной работе. Вам, наверное, известно, что я кончаю факультет виноградарства — виноделия, так что моя судьба, по-видимому, жить на юге.

Я уже за два года практики побывала два раза в Крыму. Крым на меня произвел просто великолепное впечатление, я очарована его природой, да и климат весьма удовлетворителен для меня. В Крыму я себя чувствую как рыба в воде, а как только приезжаю в Москву, так грипп у меня не проходит! В этом году в третий раз поеду в Крым, где буду работать над темой «Токайские вина Крыма» — очень интересная и очень благодарная работа. После чего защищу дипломную работу и... «пускай судьба забросит нас далеко». Мне, откровенно говоря, уж и неловко сидеть все на маминой шее, тем более, что такая сейчас тяжелая жизнь (нам туго приходится с мамой). Поэтому хочу поскорее освободить маму от такой обузы: пора уже и самостоя-

тельную жизнь строить. Вот, как видите, не из блестящих жизнь моя, но во мне сейчас нет уже той апатии, что была в войну, наоборот, мне хочется жить (пусть даже в тяжелых условиях), мне хочется бороться с препятствиями, стоящими на моем пути.

Я часто очень вижу во сне Петю Сагайдачного. Я еще до сих пор не совсем уверена в смерти Пети, тем более что во сне я его вижу возвращающимся...»

ПЕТЯ САГАЙДАЧНЫЙ

Действующая армия, 4 апреля 1942 года.

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

«Сегодня я хочу немного помечтать.

Нередко в часы отдыха или ночью в блиндажах мы говорили о своем будущем, о своих перспективах на послевоенную жизнь, и в такие минуты забываешь все плохое в жизни, а будущее кажется таким прекрасным и заманчивым.

К сожалению, я до сих пор не представляю себе ясно, что именно буду я делать, но, во всяком случае, мысли мои неразрывно связаны с трудом, со счастьем нашей семьи и счастьем всего нашего свободолюбивого и мирного народа. Я хочу, чтобы ты высказала свое мнение по этому поводу, посоветовала бы мне в этом большом и важном деле.

Первым делом, конечно, мы вернемся в свои родные гнезда — в Москву, в Харьков, на Украину. Лучше бы, конечно, чтобы все мы жили вместе дружно и согласно, но об этом я тебе уже не раз и много писал. Я не сомневаюсь, что в Москве или на Украине ты всегда найдешь себе и занятие, и заработок, и место. В любом месте ты сможешь воспитать ребятишек и сделать из них закаленных и жизнеспособных людей.

Затем я мечтаю закончить свое образование в морском техникуме или в каком-нибудь другом специальном заведении. Затем я буду работать, работать много и с любовью. Буду помогать тебе и продолжать подучиваться, чтобы достигнуть своей заветной мечты и стать тем, кем я хочу. Очень тебя прошу написать свое мнение обо всем этом и помочь мне в этом деле...

...Конечно, все это хорошо, о чем я тебе писал, но сперва ведь все это нужно завоевать и, может быть, завоевать ценой наших жизней.

Итак, пока кончаю. Крепко, как и всегда, целую тебя и всех наших.

Твой сын».

ВЛАДИМИР ВАРЮШИН —

после войны служил в в полярной авиации. Сейчас руководит одним из автохозяйств в Пскове.

●

ЛЮБОВЬ ЛЕПЕШКИНА

окончила сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, работала в управлении совхозов Крыма и Молдавии.

●

ДМИТРИЙ ПОКАРЖЕВСКИЙ —

учился в Московском авиационном институте. Сейчас работает в авиационной промышленности.

●

ПЕТР САГАЙДАЧНЫЙ —

пал смертью храбрых в апреле 1942 года.

●

ИВАН СОРОКИН —

после окончания института — сотрудник Министерства иностранных дел.

●

ВЛАДИМИР ЦЫГАНКОВ —

пал смертью храбрых в августе 1943 года.

Анатолий
ТРОФИМОВ,

рабочий Карачаровского механического завода. Ему 18 лет.

Я—ТОКАРЬ

Эта встреча случилась в отделе кадров, куда я пришел оформлять поступление на Карачаровский механический завод. Забрали мои документы и справки, сказали: «Иди, подожди немного. Вызовем». В коридоре — стулья. Сажусь. Подсаживается ко мне парень — старше меня, лет двадцати пяти, с папиросой в зубах.

— Работать нанимаешься? — спрашивает.

— Оформляюсь! — говорю.

— После ПэТэУ?

— Нет. После десятилетки.

— А-а... Один, сирота, что ль? Не москвич?

— Почему? Семья. Москвич.

— Квартиры нет? Жилищные условия — дрянь?

— Есть. Хорошие. А что?

— Так чего ж ты на завод идешь? Есть на свете, слава богу, и получше места. Тем более образование какое надо.

— В каком смысле? — спрашиваю.

— Да полегче где работа, не пыльная, а платят за взаимопонимание — вот какие места имеются в виду. Понял? — улыбается сосед.

— Понял,— говорю,— но я на завод хочу.

Он на меня с таким удивлением посмотрел, как будто я заговорил на иностранном языке.

— А... Хочешь, значит. Ну, хоти, хоти. Хотеть не вредно... И на кого же идешь?

— На токаря.

— На токаря?! — Он опять изобразил удивление и даже хохотнул.— А ты станок-то хоть раз видел?

— Я на нем работал. В школе у нас был, в кабинете труда. Потом в профцентре для школ, где практику проходил.

— Ну,— говорит парень, улыбаясь,— ты специалист высокого класса! Только я вот что тебе скажу. Завод не школа и не центр твой. Здесь не час у станка — восемь стоять будешь. Не пять деталек—пятьсот придется вымучивать. Спать не будешь — детали во сне надоест видеть. Не дал количества — копейки хорошей не получишь. Работа нудная, однообразная, станок свой клясть начнешь за постоянство внешнего вида. Подумай, я много чего попробовал в здешнем «меню». Наелся досыта. Увольняюсь. Оформляюсь на выход. Так-то, токарь. Подумай...

Вот такой разговор. В первый день, как пришел на завод. Нет, этот разговор меня не удивил и не обидел. Спорить с тем парнем я не стал: у меня был свой настрой, у него — свой. И он мне мой не испортил. Но про себя я начал с ним спорить уже тогда, сразу, спорю и сейчас. Мой настрой ведь не изменился, как, впрочем, и появился не в один день. На завод я пошел работать сам, но к решению этому привело многое. Первое — мне просто нравилось работать. Нравилось давно.

Почувствовал я вкус своего собственного вклада в общее дело однажды на школьном занятии кружка труда. Я в него записался в седьмом классе, и тогда же и произошел тот случай. Мне и еще некоторым ребятам наш преподаватель Раевский Валентин Васильевич поручил «довести до ума» станок для контактной сварки — он нужен был младшим классам, чтобы быстрей делать жестяные коробочки. Валентин Васильевич спроектировал этот станок и для удобства придумал, чтобы контакт давался нажатием ножной педали. Педаль была, но я, помню, сказал, что она очень уж узка, надо шире. «Почему?» — спросил преподаватель. Я объяснил, что с узкой при волнении у маленьких будет соскальзывать стопа, да и давить сподручнее на что-то широкое. Вот он тогда и сказал